

Дарья Донцова

Синий МОПС

Евлампия Романова
Счастье ведет за собой

счастья

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Синий мопс счастья
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 14

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118879

Синий мопс счастья: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-04543-0

Аннотация

Бедная я, бедная. Вот так жила я, Евлампия Романова, не будем уточнять, сколько лет, на свете и не подозревала, что стою одной ногой в могиле! Спасибо врачам. В аптеке мне сделали томограмму головы, и доктор сказала, что я... олигофрен и у меня почти нет извилин в мозгу. Теперь понятно, почему я впустила в квартиру цыганку с младенцем. Она нагадала, что все наше семейство ждут огромные беды и спасет нас только случайно встреченный мною ангел. Несчастья начались сразу после ухода цыганки: сначала отравилась чем-то мопсика Ада, потом выпили яд, неизвестно как попавший в пакетики с соком, Кирюша и Лиза. Слава богу, не до смерти! Причем непонятно, как пакетики сока попали к Кирюше в ранец. Клянусь, я их туда не клала. Решив все выяснить, я направилась в школу, где учатся наши дети. Но там я узнала страшное: погибла полная тезка нашей Лизы – ее одноклассница Лизавета Романова. Небось преступники

перепутали девочек! Похоже, кто-то охотится за членами семьи Романовых. Ангел, где же ты? Ау-у!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	73
Глава 7	86
Глава 8	99
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дарья Донцова

Синий мопс счастья

Глава 1

Если выполнять домашнюю работу по всем правилам, до-тошно, то она может убить вас. Ну-ка представьте себе на минуточку, что вы моете пол так, как описано в книге «В помощь молодой хозяйке». Цитирую: «Вначале тщательно пропылесосьте пол. Затем влажной тряпкой обработайте плинтусы, ножки столов, стульев и кресел. Отодвиньте диваны и кровати. Следом пройдитесь по полам веником, даже очень хороший пылесос не способен тщательно собрать всю пыль. Потом протрите поверхности тряпкой, смоченной в дезинфицирующем растворе, тщательно выстирайте мешковину и повторите процедуру. Смойте хлорку, несколько раз меняя чистую воду, протрите полы насухо, проветрите квартиру. Помните, паркет и линолеум нужно обрабатывать не менее двух раз в день».

Я с тоской посмотрела на окружающий меня «пейзаж». Два раза в день мыть полы, переставляя в процессе всю мебель? Это здорово. Наверное, тогда бы даже в нашей квартире воцарилась чистота. Сейчас же, если быть откровенной, жилище выглядит не слишком опрятно.

Впрочем, всему есть оправдание. На дворе слякотный ноябрь. С неба падает снег, который, попав на землю, мигом превращается в кашу, поэтому в прихожей около вешалки остаются черные следы. Да еще Сережка всякий раз, уже натянув куртку, начинает орать:

– Забыл, забыл! – И несется в свою комнату прямо в сапогах.

На все мои вопли типа: «Немедленно переобуйся!» – он отвечает: «Ну не занудничай, Лампа, они же чистые, ночь стояли в коридоре и уже высохли».

Но верно, штиблеты сухие, и теперь с них просто сыплется песок, а не ошметки черной грязи.

Еще в нашем доме живут собаки, целых четыре штуки. И, как ни странно, лохмато-клочкастый Рамик не линяет, а вот короткошерстные Муля, Адюша и Рейчел оставляют повсюду очень мелкие, едва различимые глазом ворсинки.

Если собачья шерсть почти незаметна, то почему она должна кого-то раздражать? Дело в том, что эти шерстинки через некоторое время сбиваются в комки, а еще они острые, словно иголочки, и впиваются в вашу одежду. В придачу Муля с Адой большие любительницы поваляться на диванах, креслах и кроватях. Осенью и весной процесс линьки ужесточается. Вчера Костин долго орал, обнаружив, что сам стал похож на гигантского мопса: «Отвратительно, немедленно вытащите из меня шерсть!»

Услыхав эту фразу, Лиза захихикала, а Юля совершенно

серьезно ответила:

– Боюсь, мы потратим слишком много времени, ты волосатый. Может, сходишь на эпиляцию? Адресок салона я тебе дам.

– С ума сойти! – завопил Костин. – Я имел в виду: стряхните с моих брюк шерсть мопсов!

– Так бы сразу и сказал, – зевнула Юля, – а чего сам не отряхнешься?

– У меня не получается! Волоски как иголки.

– Я в таком случае пользуюсь пинцетом, – влезла Лиза.

– В прихожей лежит липкая щетка, – посоветовал Кирюшка.

Костин ушел из кухни, сердито бубня себе под нос:

– Это ужасно! Где ни сядешь, повсюду клочья шерсти. Лампа, когда ты в последний раз убирала квартиру?

Я сделала вид, что не услышала вопроса. Когда, когда! Ну не помню. Вот зеркало в ванной я протирала в понедельник, и каков результат? Да, пока никого не было дома, санузел сверкал чистотой, но стоило Кирюшке прийти из школы и разок помыть руки, как снова все вокруг оказалось заляпано.

– И какой смысл убирать? Ну пропылесосу коридор... Потом, вечером, выйду с собаками, после прогулки псы побегут в ванную мыть лапы – и чистота насмарку, – вздохнула я.

– А ты носи псов на руках, – посоветовала Юлечка.

– Здорово придумано! – возмутилась я. – Предположим, я

справлюсь с задачей, подцеплю одновременно двух жирных, похожих на бочонки мопсов и отопру дверь в ванную. Подумаешь, Муля весит пятнадцать кило, а Адюша всего двенадцать! Но Рейчел и Рамик? Как оторвать от пола стаффордшириху и двортерьера, каждый из которых тяжелее хозяйки?

Сережка допил чай и с самой серьезной миной сообщил:
– Есть выход! И псы в ванной, и пол нетронут. Просто гениальная мысль! Потрясающая идея.

Я знаю, что Сереже верить нельзя, он просто не способен вести себя серьезно, но перспектива не мыть полы, запачканные собаками, была столь заманчива, что я попалась на удочку и нетерпеливо воскликнула:

– Какая мысль? Расскажи.

– Покупаем багажную тележку, – с абсолютно непроницаемым видом заявил Сережка, – ну знаешь, на таких носильщики на вокзале чемоданы доставляют! Приводишь собак с прогулки, усаживаешь на нее и рулишь в ванную. Класс!

Лиза, Юля и Кирюшка захохотали, я разозлилась окончательно, а Сережка, страшно довольный произведенным впечатлением, продолжал:

– А еще можно сшить им костюмы, наподобие водолазных. И дело в шляпе. Ни одного волосатика вокруг. Или покрасим собак в черный цвет, на темном грязи не видно!

– Черный неинтересно, – протянула Лизавета, – вот если в синий, то прикольно будет!

– Классно, – подскочил Кирюшка, – суперпесики! Синие

собаки.

– Ну всех-то не выкрасить, – покачала головой Юлечка.

– Это почему же? – задиристо спросил Кирюша.

– Рейчел очень большая, на нее краски два ведра уйдет, – пояснила жена Сережки, – на Рамике не заметно будет, он же почти черный, да и вертится все время, остаются Муля и Ада.

– Значит, их покрасим, – не дрогнули Кирюша и Лизавета.

Я, подавив гнев, ушла в свою комнату, а гадкие дети еще долго веселились на кухне.

Но сегодня утром, когда все разбежались, кто на учебу, кто на работу, я оглядела квартиру и приняла историческое решение: пора навести порядок.

Ну-ка признайтесь честно, какие эмоции вызывает у вас необходимость браться за пылесос? Я тоже не ощутила никакого энтузиазма, поэтому, прежде чем приняться за нудное дело, решила побаловать себя чашечкой вкусного чая.

Наши собаки в осенне-зимний сезон предпочитают спать по двадцать часов кряду. Даже вечно пристающая ко всем с предложениями поиграть Ада и та умеряет пыл. Вывести стаю из анабиоза не может никто. Звонок в дверь, радостные вопли: «Кто к нам пришел!» – не вызывают у четвероногих никаких эмоций. Приказ «Пошли гулять» не доставляет им радости. Услыхав его, Муля начинает зарываться в подушки, Рейчел принимается зевать во всю клыкастую пасть. Рамик прикидывается внезапно оглохшим, а Ада... вот та поступа-

ет умнее всех. При звуке выдвигаемого ящика, в котором хранятся поводки, она мигом понимает: сейчас ее засунут в противно шуршащий комбинезон, а потом поволокнут во двор, где заставят месить нежными лапками ледяные лужи.

Оценив ситуацию, Адюша, изображая полнейший восторг, летит на мой зов, только до прихожей мопсика не добирается. По дороге она быстренько заруливает в ванную, сладострастно писает на коврик, а затем принимается звонко лаять. Перевести ее речь на русский язык очень просто, скорей всего мопсика сообщает: «Все. Меня выводить не стоит. Дело сделано».

Адюше настолько неохота выбираться на слякотную улицу, что она готова примириться с наказанием, которое получит за содеянное безобразие. Порой мне кажется, что Ада совершенно не боится моего гнева. Ну сидит глупая Лампа перед ней на корточках, ну стучит свернутой в трубку газетой по полу перед носом хулиганки, ну шипит сердито: «Фу, как не стыдно! Плохой мопс!»

И что? На улицу-то ее не ведут, значит, все просто отлично. Наверное, чтобы отучить Аду от гадкой привычки, мопсика, невзирая на ее хулиганство, следует втиснуть в комбинезон и вытолкать на холод. Может, тогда в хитроумной собачьей голове зародится правильная мысль: сколько ни пи-сай на коврик, а на дворе все равно окажешься. Только я ленива до крайности, мне очень не хочется тащить под снег и дождь лишнюю псину, которая уже справила нужду, а потом

ее отмывать от грязи. Вот из-за моей лени все и идет так, как оно идет!

Но все же придется браться за пылесос! Не успела я с этим смириться, как в прихожей раздался звонок. Явление кого угодно в районе девяти утра обычно меня не радует, но сейчас я в полном восторге порысила к двери. Кто бы ни был незванный гость, он избавит меня от уборки. Смело смогу потом заявить домочадцам: «Да, я собралась пылесосить, а тут на голову свалилась...»

Не поглядев в «глазок», я распахнула дверь и попятилась. На пороге стояла цыганка, одетая в довольно грязную куртку-пуховик, из-под которой виднелась цветастая юбка. Ноги не слишком приятной гостьи были обуты в грубые сапоги, голова повязана красным платком.

– Слушай, красавица, – пропела цыганка, прищулив красивые, чуть выпуклые карие глаза. – Позволь ребенка перепеленать.

И сунула мне под нос меховой конверт, из которого не доносилось ни звука.

Я, конечно, наивна, но не до такой же степени, и потом, просто до самозабвения люблю детективные романы и очень хорошо понимаю: в меховом свертке никого нет. Скорей всего там полено. Если сейчас я поймаюсь на эту удочку и впущу черноокую красавицу, то скорей всего она выманит у меня деньги или попросту стащит то, что плохо лежит.

– Уходите, – сердито сказала я.

– Ты не бойся, – улыбнулась цыганка, – я плохого тебе не сделаю, приехала в гости к тете Маше, знаешь ее? На последнем этаже живет, а ее нет. Не знаю, куда подевалась. Мне бы ребенка помыть и смесь развести.

Смуглая ручонка нырнула в карман и вытащила прозрачный пакетик, в котором лежала пустая бутылочка и небольшая банка.

– Чего испугалась? – тараторила смуглянка. – Я сестра невестки тети Маши, ну, жены Павлика. Кстати, не знаешь, где они все?

– Нет, – машинально ответила я.

На самом деле в нашем доме, на последнем этаже, проживает успешная бизнес-дама по имени Мария. Близко мы не знакомы, в гости друг к другу не ходим, но, столкнувшись в лифте, всегда вежливо раскланиваемся и обмениваемся парой фраз типа: «Сегодня на улице очень противно». Или: «Как вам нравится новый супермаркет на первом этаже?»

Пару месяцев назад я пересеклась с Марией во дворе. Сидела на скамейке и ждала, пока собаки сделают свои делишки. Вдруг из красивой иномарки вылезла Маша. Сначала она, как всегда, вежливо сказала:

– Здравствуйте, Лампа.

Потом внезапно подошла ко мне и спросила:

– Не помешаю, если покурю около вас?

– С удовольствием составлю вам компанию, – ответила я и вытащила свои сигареты.

Пару минут мы обменивались ничего не значащими фразами, потом Маша, вздохнув, поинтересовалась:

– Вы уже слышали о моем несчастье?

– Что случилось? – испугалась я. – Павлик заболел?

– Лучше бы какую инфекцию подцепил! – в сердцах воскликнула мать. – Все гораздо хуже: он женился.

– Ну это не самое страшное! – с облегчением воскликнула я.

– Господи, – всплеснула руками Маша, – да просто ужас! Павлик еще учится, значит, мне придется тащить молодую семью на своем горбу до тех пор, пока кто-нибудь из них не начнет зарабатывать, в чем лично я сильно сомневаюсь. А если еще и ребенок появится...

– Ну не все так плохо, – попыталась я успокоить Машу, – многие вступают в брак, сидя, так сказать, на студенческой скамье, и ничего. Конечно, первое время...

– Вы еще основного не слышали, – нервно перебила меня соседка, – знаете, кто моя невестка?

Я благоразумно промолчала. Судя по перевернутому лицу Маши, ее Павлик привел домой нечто экстраординарное: вдруг парень придерживается нетрадиционных взглядов на семейную жизнь и обзавелся «молодой женой» по имени Ваня?

– Торговка капустой, – взвилась Маша, – ужасная, совершенно неотесанная девица, стоявшая у лотка возле метро! Молдаванка! Да она по-русски ни бельмеса не знает, я не по-

нимаю ни слова из того, что она говорит, зовет меня тетей, и вся такая чумазая, сморкается в скатерть. За что мне это, а?

— Ну, — проямлила я, — всякое случается, вы не расстраивайтесь, пообтешется.

— А еще у нее, наверное, куча бедных родственников, — тихо добавила Маша, — полезут изо всех щелей, как тараканы. Это сейчас она блеет: «Сирота я», — а потом отовсюду попрут двоюродные, троюродные, седьмая жена пятого дедушки. Запоют: «Дайте водички попить, а то так есть хочется, что переночевать негде!»

— Ни в коем случае! — с жаром воскликнула я. — Никого не пускайте.

Маша отшвырнула окурок.

— Павлик Марийку обожает, я сыну не хочу неприятности доставлять. Нет, просто куплю им квартиру и отселю.

Я кивнула. Похоже, это единственно правильное решение...

— Экие вы, москвичи, встрепанные, — вклинился в мои воспоминания голос смуглянки, — чего так пугаться? Одна я, с дитем, родственница вашей соседки. Неужто воды жаль?

Внезапно из кулька донесся сердитый плач. Внутри красивого конверта оказалась не деревяшка, а самый настоящий, похоже, сильно проголодавшийся младенец. Мне стало стыдно. Действительно, мы слишком подозрительны и даже жестоки друг с другом. Лет двадцать тому назад небось...

— Входите, — пригласила я, — идите по коридору прямо.

Там кухня, а ванная слева.

– Ну спасибо тебе, – обрадовалась гостья.

Ловко выскочив из куртки и сняв сапоги, она быстро проследовала в ванную комнату, положила кулек на стиральную машину, размотала одеяльце, пеленку, и я увидела довольно толстого бутузика в памперсе.

– Где помойка? – деловито осведомилась мамаша, стаскивая с ребенка бумажные штанишки.

– Ведро на кухне под мойкой.

– Пригляди за дитем, – попросила цыганочка, – выкину лучше прямо на лестнице, в мусорник, а то вонять будет.

Я кивнула, гостья, взметнув юбкой, унеслась, мы с младенцем остались вдвоем. Собственных отпрысков у меня нет, Лизу и Кириюшу я воспитываю не с пеленок, поэтому возраст щекастого существа определить не смогла. Может, ему два месяца, а может, все шесть. Одно ясно точно – передо мной девочка, чистая, ухоженная, хорошо кормленная. И, похоже, у нее отличный характер. Увидев незнакомую женщину, она не стала рыдать, лежит себе, улыбается, в больших голубых глазенках нет ни одной слезинки. Неожиданно малышка вытянула вперед ручонки и отчетливо сказала:

– Гу-гу.

Я умилилась и ответила:

– Агу-агу.

Кроха заулыбалась и быстро задвигала ручками в разные стороны.

Цыганка вихрем прилетела назад, неловко замотала малышку в пеленку и попросила:

– Дай кипяточку.

Мы переместились на кухню.

– Галя, – неожиданно сказала гостя, наливая в бутылочку горячую воду.

– Что? – не поняла я.

– Зовут меня Галя.

– Очень приятно. Евлампия, – кивнула я.

– Спасибо тебе! – с чувством воскликнула Галя, покормив дочь. – Пойду.

– Можешь посидеть, подождать, пока кто-нибудь домой вернется, Павлик или Марийка, – предложила я.

– Не, я поеду к тете Лене, – мотнула головой Галя, – в Москве у нас много своих. К Марийке позже приду.

Уже дойдя до двери, Галя вдруг притормозила.

– Хочу тебя отблагодарить. Моя мама – цыганка, Софией зовут, лучше всех гадает, будущее видит. К ней бог знает откуда приезжают. Вот и ко мне дар частично перешел. Хочешь погадаю?

– Спасибо, не надо.

– Бесплатно!

– Все равно не хочу.

– Не обману, расскажу правду.

– Нет, нет, я обойдусь.

– Хочу тебя предупредить.

– Давай лучше прощаться, – не дрогнула я, – уж извини, я не верю предсказаниям.

Но Галя, не слушая меня, принялась тараторить:

– Было у тебя счастье, да ушло. Взмахнуло крылом и улетело, упустила ты свою судьбу, живешь чужой жизнью. Но испытания только начались. Ждет тебя много горя, беда впереди...

– Ступай отсюда, – разозлилась я, – раскаркалась. Хорошо же ты меня отблагодарить решила!

– Знай же, – не обращая внимания на мои слова, монотонно гундела гостья, – смерть стоит у порога, ждет, ой ждет. И первой умрет собака, пучеглазая такая, толстая...

Я схватила Галю за грудки и попыталась вытолкать ее из квартиры. Куда там! Наглая цыганка оказалась словно высеченной из стали, даже не шелохнулась.

– Сначала собака, потом дети, следом подруга, затем сама преставишься.

Я с силой лягнула Галю в лодыжку.

– Убирайся, дрянь, чтобы тебе самой плохо было.

– От меня отлипни – назад прилипни, – мигом ответила гадалка, – спасет же вас всех встреча с ангелом. Пока он тут жить будет, беды не подойдут, прогонишь ангела, все умрут, все, все, все...

У меня помутилось в глазах. Я схватила длинный зонтик, стоящий у двери.

– Неблагодарная ты, – шепотом просвистела Галя. – Я

просто предупредить хочу: беду ангел отведет, встретишь ты его случайно, чуть не убьешь, но, помни, он – ваше общее спасение, оставь его, иначе смерть всем!

Быстро развернувшись, цыганочка выскочила на лестницу, плюнула на пороге и выпалила:

– Будь в этом доме по-моему, аминь!

Дрожащими руками я захлопнула дверь, заперла все замки, навесила цепочку и задвинула задвижку. Потом принялась ругать себя.

– Ну ты, Лампа, просто идиотка! Впустила в дом абсолютно незнакомую женщину, проявила милосердие и получила по заслугам. Еще хорошо, что Галя ничего не украла. Хотя если вспомнить, что она, велев мне постеречь младенца, исчезла на некоторое время из поля зрения...

Подгоняемая этой мыслью, я понеслась в свою спальню, там, в шкафу, спрятана коробка с деньгами.

Я вбежала в комнату, распахнула гардероб, открыла заветную укладку и перевела дух. Все на месте, похоже, Галя и впрямь ходила выбрасывать памперс.

Ноги подогнулись в коленях, я рухнула на кровать около спящих Мули и Ады. Собаки, как я уже упоминала выше, в слякотную осеннюю погоду не реагируют на внешние раздражители. Никто из четвероногих не прервал сладкой дремы, услышав звонок в дверь, а потом чужой голос. Вон как сопит Муля, а Ада...

Внезапно мне стало не по себе. Мулечка, мирно закрыв

глаза, уютно свернулась калачиком на подушке, а вот Дюся! Рот Ады был приоткрыт, из него обильно текла пена, глаза почти вылезли из орбит, тело сотрясала судорога.

Предсказание цыганки начало сбываться с ужасающей быстротой. «Первой умрет собака, такая пучеглазая».

Глава 2

Я не слишком бойкая личность, мне свойственно теряться. Очень часто я совершаю ошибки и начисто лишена дара предвидения. Кто из вас хоть раз видел передачу «Поле чудес», тот знает, что иногда ведущий велит принести в студию две совершенно одинаковые шкатулки. Одна пустая, в другой лежит приличная сумма денег. Игроку лишь требуется правильно угадать, какой черный ящик открыть. Так вот я, сидя перед теликом, всегда попадаю впросак. Коробочка, которая лично мне кажется «денежной», на поверку всегда бывает пустой.

Но в минуту опасности у меня невесть откуда появляются абсолютно несвойственные мне качества: умение быстро и четко действовать, полное хладнокровие, наглость и даже агрессия.

Схватив Адюшу на руки, я, замотав ее в куртку, прямо в тапках и без верхней одежды вылетела на улицу. Если сама сяду за руль, буду ехать очень долго. Очутившись посреди проезжей части, я заорала:

– Стойте!

Тут же рядом с обочиной притормозила шикарная иномарка.

– Офигела совсем, дура, – начал было шофер, но я решительно распахнула дверь, плюхнулась на роскошное бело-го-

глубокое сиденье и велела:

– Живо, давай налево, направо, вперед и вновь налево. У меня собака умирает. Поехал!

По непонятной причине водитель повиновался. Я вмиг оказалась в клинике, где, не обращая внимания на сидевших в очереди людей, вломилась в кабинет, плюхнула перед доктором на стол Аду и заорала:

– Она умирает!

Надо отдать должное ветеринару. Бросив беглый взгляд на хрипящую, колотящуюся в судорогах мопсиху, врач развил крейсерскую скорость. Откуда ни возьмись прилетели еще трое в голубых халатах. Меня выпихнули в коридор, я упала на стул и затряслась в ознобе.

Сидевшие у кабинета люди молча смотрели на меня. Потом женщина с облезлым котом робко поинтересовалась:

– Совсем плохо?

Я кивнула.

– Вот беда, – ожила старушка с клочкастой болонкой.

По виду и бабушка и собачка были современницами Пушкина.

Дверь соседнего кабинета приоткрылась.

– Кто грызун? – донеслось оттуда.

– Я, – оживился мужчина и понес коробку в комнату.

– На, – сказала старушка, протягивая мне монетку, – держи.

– Зачем?

– Там автомат стоит, кофе наливает, выпей, успокаивает.

С трудом отрывая ноги от пола, я добрела до аппарата, получила порцию отвратительного пойла и стала вливать его в себя, оглядывая очередь.

Женщины, мужчины, старушки, дети, кошки, собаки всех размеров, кролики, хомяки... Никто не ругается, не лает, не шипит. Хозяева прижимают к себе больных животных, одетых самым невообразимым образом. Вон шпиц, замотанный в старый шарф, рядом кот в дорогой попонке, явно привезенной из-за границы, чуть поодаль пудель в вязаной кофте и спаниель в шапке, а там корзинка, в которой, полуприкрытое рваной простынкой, мается нечто лохматое, размером с мышь, а по виду – кролик, только уши короткие...

Раздался грохот, из кабинета вытолкали железную каталку с Адой.

– Что с ней? – прошептала я, бросаясь к хмурому врачу с бейджиком «Роман» на груди.

– Похоже на отравление, – буркнул тот, – садитесь здесь и следите за капельницей.

– Но мы кормим собак хорошими продуктами, – залепетала я, – никаких просроченных консервов, все свежее, качественное.

– Речь не о еде.

– А о чем?

Роман покрутил колесико капельницы.

– Крыс в Москве много, вот в некоторых домах около му-

соропроводов яд и раскладывают, бывает, что собака его съедает.

– Ужасно! Ада! Она умрет! – заорала я в иступлении.

– Надеюсь, что нет, – хмуро ответил Роман, делая несчастной мопсике один укол за другим. – Вы сходите в аптеку, купите памперс и наденьте на собаку, а то она описается и замерзнет. Дырку прорежете, хвост вытащите.

Я бросилась к ларьку в холле.

– Дайте мне памперсы!

– Какой размер? – спросила девушка в белом халатике.

– Ой, не знаю!

– Вес?

– Двенадцать кило.

– Тогда эти, двести двадцать рублей пачка.

Выполнив приказ Романа, я села около Ады и, одной рукой поглаживая ее, другой принялась вытаскивать телефон.

Дома мы оказались лишь около полуночи. Аду, слабую, с трясущейся головой, уложили на полу, подстелив под нее пуховик Кирюшки, накрытый чистой простыней.

– Может, лучше устроить ее на кровати? – пробормотала Лиза. – Мопсы же всегда с кем-нибудь спят, Адюше будет грустно одной.

– Нет, – покачала головой Катя, – собака очень слабая, еще упадет ночью и расшибется. И потом, ей сейчас так плохо, что она не понимает, где лежит. Эй, Муля, не смей лизать Аде лапу, там канюля для капельницы стоит. Нет, лучше я

устрою Дюську у себя в комнате и запру дверь.

Мы перетащили слабо дышащую Аду в спальню к Кате и пошли на кухню.

– Где она только отраву нашла? – покачала головой Юлечка.

– Ты же знаешь Дюшу, – грустно ответила Катя, – хватает что попало и глотает, не прожевав, а уж потом начинает ку-мекать, следовало ли эту гадость даже нюхать. Небось сегодня утром у мусорных бачков шныряла.

– Завтра же устрою скандал в домоуправлении, – раскипятился Сережка, – вообще с ума посходили! Раскладывать отраву прямо на улице! Да в нашей башне полно собак и детей. Представляете, что случится, если какой-нибудь малыш заинтересуется ядом! Страшно подумать!

Я поставила чайник на стол и спросила:

– Скажи, Катюня, а почему ты решила, что Ада слопала отраву утром? Может, это вечером случилось!

Катя стала наливать себе чай.

– Нет. Тогда бы собаке стало плохо ночью. А она спозаранку, в семь, когда я уходила на работу, вела себя совершенно обычно, прыгала, лаяла, требовала еду. Утром беда произошла, Аде еще повезло.

– Интересно, в чем? – воскликнул Кириюша.

– Ночью мы бы спали, – вздохнула Катя, – а так Лампа сразу заметила неладное и вовремя понеслась в клинику. Надеюсь, обойдется.

Я молча вытащила из холодильника батон «Докторской» колбасы и стала ее нарезать. Да, Катя права, Ада не могла проглотить яд перед сном, тогда в семь часов мы бы нашли ее уже мертвой. Мопсixa явно отравилась утром, но вот только одна любопытная деталь: я не успела выгулять псов. Обычно я выхожу с собаками около девяти. Время выбрано не случайно. К этому часу в нашем дворе, как правило, пусто. Народ разбежался на работу, школьники сидят за партами, дачники уже в группах, а пенсионеры еще не выползли на прогулку. Самый подходящий момент для того, чтобы вывести свою свору, никто не станет бросать косые взгляды и приговаривать нарочито любезным голосом: «И как вы только с такой оравой справляетесь! Небось денег кучу на них тратите!»

Но сегодня, проводив домашних, я так и не успела нацепить на собак поводки, потому что явилась цыганка с ребенком.

Сначала я занималась с младенцем, потом выслушивала ее предсказания, а затем помчалась в клинику с Адой.

Значит... Колбаса чуть не выпала из моих рук. Значит...

Юля выхватила у меня нож.

– Иди приляг.

Я покорно пошла в ванную умываться. Первое, что я увидела, была стоявшая на раковине упаковка краски для волос. Машинально взяв коробочку, я стала читать текст на ней: «Специальное суперсредство, призванное придать шер-

сти голубой оттенок. Колер синий. Антиаллергично. Применять только для животных. При длинной шерсти увеличить дозу. Тщательно соблюдайте инструкцию».

Значит, это предназначено не для людей. Ну и ну, однако, далеко зашел прогресс. Видно, Лиза и Кирюшка все же решили выкрасить мопсик. Но, напуганные происшествием с Адой, отложили процедуру.

Забыв умыться, я схватила коробочку и пошла в спальню. Еще неизвестно, что случится с Мулей после применения сей краски, спрячу лучше пока это средство от греха подальше в свой шкаф.

Кто-то из домашних мне постелил, я уже хотела умилиться от такой заботы, но потом пригляделась, увидела вздыбленное одеяло, скомканные подушки, смятую простыню и вспомнила, что не успела утром застелить кровать, унеслась с Адюсей в лечебницу. Я, испуганная внезапной болезнью мопсика, не сделала вообще ничего: не выгуляла собак, не покормила их, не пропылесосила полы...

И откуда, скажите на милость, Ада взяла крысиный яд? Дома мы ничего подобного не держим. В квартире есть средства, которыми можно отравиться, допустим, средство для мытья унитаза или жидкость для удаления засора труб. Но все бутылки стоят в специальном, хорошо закрывающемся шкафу. К тому же Ада не щенок, а взрослая собака. Да, она способна утащить со стола еду, но жевать стиральный порошок и лакать растворитель не станет.

Дверь тихонько приоткрылась, на пороге возникла обиженно сопящая Муля.

— Иди сюда, — похлопала я по кровати.

Мульяна легко вспрыгнула на матрац, фыркнула и исчезла под одеялом. Я вытянула ноги, обняла собаку и горько вздохнула. Обычно мы спим так: я на боку, Муля лежит около моего живота, а Ада подпирает спину. Честно говоря, быть начинкой в этом «гамбургере» не слишком комфортно. Если хозяйке хочется пошевелиться, мопсихи ворчат, а стоит мне повернуться на другой бок, как они начинают рокировку, Муля ползет к животу, Ада к спине, по дороге они натыкаются друг на друга и начинают разборки.

Но сегодня место у моей спины оказалось свободно. По щекам потекли слезы. Бедная Дюша. Нет, надо пойти к Кате, взять мопсиху и положить ее к себе в кровать, туда, где она привыкла спать. Конечно, Адюся очень слаба и может напрудить в постели лужу, но не наплевать ли на это? Однако сил встать не было. Я натянула одеяло на голову и внезапно заснула.

Разбудил меня запах кофе. Я села, взглянула на часы: одиннадцать!

Меня как ветром смело с постели. С ума сойти! Неужели я проспала звонок будильника? И как там мопсиха? Натянув халат, я ринулась на кухню и обнаружила на столе еще горячий кофейник, а на холодильнике записку, прижатую магнитом:»Уехал в клинику с Адой ставить капельницу. С собаками

ми не гуляли, проснешься – выведи их. Серега».

Я перевела дух. Значит, домашние встали сами и разбежались по делам, меня не стали будить, пожалели бедную Лампу. Если бы еще и с собаками погуляли, то жизнь могла показаться мне прекрасной, но полного счастья не бывает, придется самой топать во двор. Внезапно из прихожей послышался шум открываемой двери. Я похолодела, небось Сережка, унося Аду, забыл закрыть замок и в квартиру снова проникла цыганка. Я схватила молоток для отбивания мяса и понеслась в коридор.

У вешалки стаскивал ботинки Костин.

– Привет, Лампецкий, – пробубнил он, – как там Ада?

– Вроде ничего, – ответила я, пряча молоток за спиной, – ее повезли в лечебницу на очередную процедуру.

– Дай кофейку.

– Пей на здоровье, а я пока собак выведу.

– В одиннадцать утра? – удивился Вовка. – С какой стати?

– А они еще не выходили, я проспала, голова болит.

Сказав это, я стала вытаскивать из ящика комбинезоны: два громадных, принадлежащих Рейчел и Рамику, и пару маленьких, для Мули и Ады. На глаза навернулись слезы, я быстро отложила одну из голубых одежек. Господи, сделай так, чтобы Ада снова гуляла в ней, веселая и здоровая.

– Слышь, Ламповецкий, – внезапно сказал Володя, – что-то ты плохо выглядишь. Давай я псов прогуляю.

– Ты?!

– А что такого?

– Ну, ничего, конечно, большое спасибо, просто не ожидала такой удачи.

– Ладно, одевай их! – приказал майор.

Я принялась впихивать собак в непромокаемые мешки. Самая послушная из стаи – Рейчел. По-моему, стаффордшириxe просто все по фигу. Она не особо печалится из-за необходимости одеваться и спокойно стоит, пока хозяйка, сопя, натаскивает на нее шуршащий комбинезон. Рамик менее покорен, но тоже не особо вертится, а вот Мулечка ведет себя просто отвратительно. Только засунешь передние лапы в «рукава» и схватишься за задние, глядь, а мопсixa уже вытащила первые наружу. Когда же, проявив чудеса изворотливости, вы все же умудритесь ее одеть, она застывает, как изваяние, отказываясь идти. Приходится выволакивать упрямицу на лестницу силой.

Должна вам сказать, что сама прогулка во дворе – это еще полбеды, основная неприятность в этом процессе: одевание, раздевание и мытье лап. Вспотев и разозлившись, я нацепила на собак ошейники и, дав Вовке рулетки, предупредила:

– Будь аккуратен, поводки могут запутаться. Держи Рамика и Рейчел в одной руке, а Мулю в другой, она...

– Скажи, Лампа, – не дал мне договорить Вовка, – ну отчего женщины такие зануды?

– Просто я хочу все объяснить, ты ведь выходишь со стаей в первый раз.

– Экая наука! Подумаешь!

– Не такое это простое дело.

– Я тебя умоляю, – скривился майор, – тоже мне задача!

Походить по двору! Только баба способна из такой ерунды создавать проблему.

Глава 3

Снарядив Вовку с собаками во двор, я пошла на кухню, поставила чайник, вытащила пачку с чаем, отрезала кусок лимона, выудила из холодильника коробочку с плавленым сыром, намазала тостик, открыла рот... и услышала вопль.

– Лампа!

Пришлось распахнуть окно и выглянуть наружу. Костин стоял посреди двора, задрал голову вверх.

– Что случилось? – крикнула я.

– Они не хотят гулять.

– В каком смысле?

– В прямом. Сели и не шевелятся.

– А ты не стой, ходи, тогда и собаки задвигаются, – посоветовала я и, захлопнув раму, вернулась к завтраку.

Но не успел вкусный тостик оказаться во рту, как с улицы опять донеслось:

– Лампа!!!

Положив недоеденный кусок на стол, я снова высунулась наружу.

– Теперь что?

– Они ничего не делают, просто бродят!

– Подожди, сразу процесс не начинается.

– И сколько мне тут прыгать?

– Ну пока все не сделают свои делишки.

– И что, до вечера таскаться?! – возмутился Костин.

– Нет, к обеду вернешься, – усмехнулась я и снова попыталась вернуться к чаю.

Ан нет, спокойно позавтракать сегодня не удастся. Со двора опять послышалось:

– Лампа!!!

– Что???

– Рейчел за дерево замоталась.

– Распутывай.

– Как?

– Просто, вели ей обойти ствол.

– Лампа!

– Ну?

– Смотри.

Я прищурилась. Стаффордшириха стояла вплотную к большому тополю.

– Глупость мне посоветовала, она еще хуже запуталась, – сообщил Вовка.

– Ты заставил ее бегать не в ту сторону, – объяснила я, – и вообще, кто гуляет со стаей? Больше не кричи. Попытайся сам справиться с такой простой задачей, как прогулка собак. Ничего сложного, это любому по плечу.

Вовка промолчал, но не успела я сделать и глотка холодного чая, как раздался звонок. Я побежала в прихожую,глянула в «глазок» и распахнула дверь. Многолаповый комок вкатился в квартиру, за ним тащились рулетки.

– Все, – выпалил Вовка, – теперь вымой их!

И тут я обозлилась донельзя, вытолкала собак назад, на лестницу, и сердито спросила у Костина:

– Ты жареную картошку на ужин любишь?

– А то!

– И что, когда ты приходишь домой, я сую тебе клубни и велю чистить, мыть, резать, а потом только бросаю подготовленную тобой заготовку на сковородку и помешиваю?

– Нет, – оторопело ответил Вовка.

– И как же дело обстоит?

– Ну... я просто ем жареную картошку.

– И с прогулкой так же! – рявкнула я. – Тот, кто берется вывести стаю, сначала сам одевает псов, молча их выводит, а затем моет им лапы в ванной. Иначе полуфабрикат получается. Ясно?

– Угу, – кивнул Вовка, – их надо мыть?

– Да! А я пока спокойно попою остывший чай. И вообще, ты сам решил мне помочь.

Костин тяжело вздохнул:

– Ага, понятно.

Сидя на кухне, я прислушивалась к сопению, кряхтению, повизгиванию собак и плеску воды. Потом раздался громкий хлопок, звон разбивающегося стекла и вопль:

– О, черт!

Меня помимо воли понесло в ванную. Перед глазами предстала изумительная картина. Внутри чугунной чаши

стоит тройка собак в комбинезонах и в ошейниках. Мыльная вода покрывает их почти до шеи, сверху плавают мочалки, губки и бутылочка с гелем для душа. На полу валяется разбитая банка с кремом. Красный Вовка поливает скулящую компанию из душа.

– Что ты делаешь? – завопила я, выключая воду. – С ума сошел!

– Сама велела их мыть.

– Ты запихнул всех вместе.

– А надо было по одной?

– В комбинезонах!

– А что? Их снять требовалось?

– Да тут полно мыла!

– Разве псов без шампуня купают?

– Ошейники не снял, рулетки не отцепил!

– Так мне их не удержать. И вообще, хватит придирааться, – зашипел Костин, – что ни сделаю, все плохо, поучаешь меня постоянно. Если ты такая умная, делай все сама!

С этими словами Вовка выскочил из ванной. Я уставилась на собак. Ей-богу, мужчины – дикие люди. Любой женщине понятно, что сначала нужно раздеть пса, снять с него поводок, а потом просто аккуратно обмыть ему лапы. Вовсе незачем устраивать банную процедуру по полной программе. Лучше бы и правда я сама пошла гулять со стаей, получила бы меньше проблем. А то сейчас даже не знаю, с чего начать...

И тут Рамик, который терпеть не может омовений, одним прыжком вылетел из наполненной ванны. За ним потянулся поводок, перепутавшийся с другими. Следом из воды выскочила Рейчел, за ней выкарабкалась Муля. Ошметки мыльной пены полетели в разные стороны.

– Фу! – заорала я.

Но поздно, одетые в насквозь мокрые комбинезоны, сцепленные перепутанными поводками, собаки понеслись по коридору, оставляя позади себя белые клочья, лужи и брызгая на стены.

– Стойте! – кричала я.

Куда там! Псы, обиженно скуля, исчезли в моей спальне.

Когда я, обретя способность двигаться, добралась до своей комнаты, перед глазами развернулась дивная картина. Все постельное белье валяется на полу, подушка истоптана, одеяло скомкано, на матрасе копошится мокрый грязный комок.

Кое-как расцепив стаю, я стащила с собак комбинезоны и вернулась на кухню. Вовка, успевший к тому времени благополучно съесть приготовленные мною бутерброды, ехидно поинтересовался:

– Ну, чего? Успокоилась?

И тут я просто слетела с катушек.

– Нет, какое безобразие! Помог, называется! Теперь мне придется сушить собачью одежду, менять белье на кровати, мыть полы, ванну и покупать себе новый крем! Ты разбил

банку!

Костин побагровел, отодвинул пустую тарелку, встал и заявил:

– Неудивительно, что тебе никто помогать не хочет. Вот сегодня я решил облегчить вашу жизнь, мадам, и получил скандал.

У меня пропал дар речи. Майор спокойно ушел, я плюхнулась на стул. Ну и ну. Он всерьез говорил о помощи? В груди начала подниматься темная волна гнева, я схватила мобильный, вот сейчас выскажу Костину все, что про него думаю!

Но не успела я набрать его номер, как сотовый зазвонил сам.

– Алло, – прошипела я, ожидая услышать извинения Вовки.

Но в ухо вонзился визгливый дискант:

– Екатерину Андреевну Романову позовите, пожалуйста.

– Она на работе. Кто говорит?

– А это из школы, Кирилл...

– Что случилось? – испугалась я.

– Так, ну, того, в общем...

– Скажите нормально, что произошло?

– Не орите, – пошла в атаку тетка, – мы тут ни при чем, покупаете детям всякую дрянь иностранную, потом удивляетесь и на нашу столовую валите...

– Господи, да что стряслось?

– Ну... траванулся он, лежит у медсестры в кабинете, но

мы ни при чем...

Не дослушав, я схватила с вешалки куртку и ринулась вниз.

Бедному Кирюшке катастрофически не везет со школой. Сначала он ходил в жуткое учебное заведение, по недоразумению носящее название «гуманитарный лицей». Педагоги там подобрались пакостные, директриса была откровенной сволочью, завуч походил на надзирателя в концлагере. Поэтому мы перевели мальчика в другую, самую обычную школу. Но не успела я вздохнуть с облегчением, как случилось новое несчастье. Дело в том, что здание учебного заведения, куда теперь с радостью бегал Кирюша, расположено в самом центре Москвы, вблизи станции метро. Парадный вход школы выходил на тихую улочку, а через пару метров, минуя проходной двор, вы оказывались на Тверской.

Одним словом, этот дом приглянулся некоей богатой и чиновной особе, захотевшей разместить в нем штаб-квартиру своей партии. Началась нешуточная борьба, директриса сражалась, аки лев, родители бегали по разным инстанциям и пачками писали письма мэру. Но депутат закусил удила и не отступался. В конце концов он натравил на школу особую комиссию, которая вынесла заключение: дом стоит слишком близко от магистрали, детям нельзя учиться в нем, им вредно дышать выхлопными газами, долетающими в цитадель знаний с Тверской. Лично мне непонятно, почему за шестьдесят лет существования школы никто никогда не го-

ворил о ее невыгодном местоположении.

Но факт остается фактом. Школе выделили другое здание, на краю Москвы, и Кириюше пришлось вновь идти на учебу в другое место. Чтобы успеть к первому уроку, ему пришлось бы вставать в пять утра.

Мы с Катей подумали и приняли соломоново решение: в выпускном классе, до которого Кириюшке остался год, отправим его в экстернат, где он будет усиленно готовиться к поступлению в институт, а пока пусть ходит в школу около дома, чтобы не тратить несколько часов на дорогу.

Поэтому сейчас Кирюша посещает самое заурядное заведение, которое расположено у нас под окнами. Слава богу, там детей не притесняют, просто их не замечают и ничему особо не учат. Но мы не волнуемся, знания Кирюша с сентября получает от наемных репетиторов. Кстати, Лиза тоже теперь учится с ним в одном классе.

Добежав до школы, я отыскала кабинет медсестры и увидела там иссиня-бледного Кириюшку, лежащего на топчане, накрытом оранжевой клеенкой.

– Котик, что с тобой! – кинулась я к нему.

Кириюшка не отвечал, я потрогала его лоб. Кожа оказалась липкой и холодной.

– Что же «Скорая» до сих пор не едет? – вырвалось у меня.

– А я ее не вызывала, – ляпнула толстая тетка в белом халате, восседавшая за письменным столом, – ясное дело, отправился. Забирайте домой!

От возмущения я вначале поперхнулась, но потом налетела на меланхоличную медсестру:

– Вы с ума сошли! Ребенку плохо, а никто не позвонил доктору!

– Я сама медик и прекрасно понимаю, в чем дело! – бросилась в атаку толстуха. – Кормите детей марсами да сникерсами, даете с собой бутерброды, вот и результат! Тошнило его, прямо страсть как, теперь вот лежит.

Дрожащими руками я вытащила телефон.

– У нас в столовой исключительно диетические продукты, – злилась фельдшерица, – севодни сосиски с гречей давали и кофе, растворимый, отечественный, первый сорт, со сгущенкой. Чем там травануться можно? А? Нет, все родители, наложут колбасы всякой...

Вызвав в школу медиков, я попыталась напоить Кирюшку водой из бутылки, не достигла успеха, перепугалась еще больше и услышала новую порцию упреков от медсестры:

– Во! Французская бурда! Купили хрен знает что в пластике. Свое надо брать, боржоми!

– Боржоми не наше! – рявкнула я.

– А чье же?

– Источник принадлежит Грузии.

– Вона, умная какая, – завела было бабища, но тут наконец появились две суровые женщины с железным чемоданом.

Остаток дня я провела с Кирюшкой и прочими домочадцами в больнице. Узнав, что мать больного мальчика их кол-

лега – оперирующий хирург, медики стали приветливее, более того, они без всяких споров перевели Кирюшу в клинику к Катюше, где его сразу окружили пристальным вниманием и заботой.

Около полуночи Катя прогнала нас домой.

– Нечего тут всем толкаться, – сурово сказала она, – ступайте спать.

Мы с Сережкой и Юлечкой возвратились домой, попили чаю и устали друг на друга.

– Ну и ну, – покачала головой Юля, – вчера Ада, сегодня Кирюха.

– Чем же он траванулся? – спросил Сережка.

Я пожала плечами:

– Наверное, сосисками, которые давали в школе. Сам знаешь, какую еду детям привозят.

– Кирюха не ходит в столовую, – напомнила мне Юля.

– Верно. Но сегодня утром я проспала и не положила ему завтрак. Небось он проголодался и пошел в буфет.

– Все по кроватям, – велел Сережка, – ноги подкашиваются.

Я заглянула в свою спальню, с удовлетворением отметила, что привезенная из клиники Ада выглядит намного бодрее, чем вчера, и пошла разбирать Кирюшкин рюкзак.

Внезапно ожил телефон. Я посмотрела на часы и испугалась. Уже поздно, в такое время могут сообщить лишь о несчастье. Руки схватили трубку.

– Алло.

– Позовите Кирюшу, – послышался голосок.

Я перевела дух. Слава богу, ничего страшного не случилось, мальчик мирно спит в своей палате. Ну и глупости лезут в мою голову. Просто это одна из одноклассниц Кирилла, плохо воспитанная девица. Небось сидит до утра в Интернете, вот и решила поговорить с ним, невзирая на время.

– Кирилл не может подойти.

– А что случилось? – с тревогой спросила девочка. – Он заболел, да? Давно звоню, но у вас никто трубку не берет.

Я улыбнулась. Похоже, Кирюша просто нравится этой однокласснице, вот и волнуется.

– Он в больнице.

– Ой!

Я поспешила успокоить девочку:

– Сейчас уже все в порядке.

– А было плохо?

– Ну, достаточно, он сильно отравился.

– Чем?

– Какой-то едой, скорее всего сосисками из вашей столовой в школе.

– И ему было совсем плохо? Он мог умереть?

– В это время Кирюша спокойно спит, правда, он пока в палате реанимации, под капельницей, но угрозы для жизни уже нет. Он скоро поправится, не расстраивайся.

Ту-ту-ту... – понеслось из трубки. Ошарашенная одно-

классница отсоединилась, или наш разговор прервался сам собой. Я подождала пару секунд, поняла, что девочка не собирается перезванивать, и занялась рюкзаком Кирюши.

Вытряхнутые учебники и тетради я сложила на столе, пенал сунула в ящик, дневник на всякий случай раскрывать не стала, хватит на сегодня стрессов. Последнее, куда я заглянула, было внешнее отделение, застегнутое на «молнию». Внутри оказался прозрачный пакет с остатками еды. Недоеденная пачка печенья, огрызки булочки и полный пакет сока. Я повертела в руках упаковку с тем, что без зазрения совести изготовители назвали натуральным персиковым нектаром. Значит, Кирюша на большой перемене сгонял в ларек и купил себе перекус. Колбасу, сосиски или шаурму он есть не станет, мы с Катей многократно повторяем детям: «Если хотите чего-то мясного, никогда не приобретайте это в вагончике на улице. Скорей всего там вам всучат просроченный товар».

И Кирюша, как послушный мальчик, взял то, что показалось ему безопасным: печенье, булку и сок. Отравиться печеньем и плюшкой с изюмом, наверное, можно, но все же менее вероятно, чем колбасой или сардельками.

Я внимательно изучила упаковки. Печенье оказалось совершенно свежим, а сок мог храниться еще пару месяцев. Вот остатки булки были без всяких опознавательных знаков, но на вид они смотрелись совершенно нормально, пахли свежей выпечкой и не вызывали никаких сомнений.

Может, напихавшись печеньем и схомякав калорийку, Кирюшка захотел мясного и польстился все же на школьные сосиски?

Я в задумчивости разглядывала остатки завтрака. Тут в комнату влетела Лиза и затараторила:

– Лампа, я хочу завтра Кирюхе ноутбук отвезти. Ты не видела, есть в палате телефонная розетка?

– Сережа оставил брату свой мобильный.

– Да не о телефоне речь! Розетка есть?

– Электрическая? Наверное, извини, я не обратила внимания.

– Фу, Лампа! Телефонная!

– Мобильный...

– Интернет подключить! – рявкнула Лизавета. – Лампа, ты пещерный человек. Для мобильного не нужна розетка! В гнездо телефона втыкают провод для сети! Ясно? Ой, персиковый, мой любимый! Можно, я выпью или ты сама хочешь?

– Угощайся на здоровье, – разрешила я.

Лизавета оторвала от картона пластиковую трубочку, содрала с нее хрусткую целлофановую обертку, проткнула дырочку в пачке и закрыла от наслаждения глаза.

– М-м-м, обожаю персиковый нектар, хотя этот не такой вкусный, как тот, что мы всегда берем. Горчит немного и отдает чем-то непонятным. Зачем ты его купила?

Не выслушав моего ответа, Лизавета унеслась, бросив на стол смятую упаковку. Я тяжело вздохнула, отнесла пустой

пакетик на кухню, обнаружила под раковиной переполненное ведро и, скрежеща зубами, отволокла его на лестницу. Конечно, можно было поднять бучу, затопать ногами и зарорать: «Вечно мне приходится помойку вытряхивать!» Только какой в этом смысл?

Разгорится скандал, а ведро все равно достанется нести мне, лучше быстренько опустошить его и пойти почитать детектив.

Лечь спать сразу мне не удалось. Сначала я накрыла Аду пледом, предварительно поменяв ей памперс, потом позволила Кате, узнала, что Кирюшке лучше, и только потом рухнула в кровать. Руки потянулись было к книге, но глаза закрылись сами собой, голова вдавилась в подушку, Мульяна, сопя, устроилась рядом со мной.

– Лампа, – зашептала Лиза, входя в спальню, – Лампа...

– Что еще? – с трудом спросила я. – Давай завтра все проблемы решим.

– Умираю...

– Завтра, Лизавета, все завтра.

– Плохо мне совсем, помоги.

Я села.

– Лиза, хватит идиотничать. Ну как ты не понимаешь, такие шутки...

Раздался тихий стон, потом звук упавшего тела. Решив, что Лизавета надумала испугать меня, я зажгла настольную лампу, увидела девочку, бледную, лежащую на спине с рас-

кинутыми в разные стороны руками, слетела с кровати и заорала:

– Все сюда, скорей!

Глава 4

Ночью мы не сомкнули глаз. Лизу доставили в клинику к Кате и положили в соседнюю с Кирюшкой палату. Все началось по новой: капельницы, уколы, промывание желудка.

Около девяти утра я оказалась дома, влезла под душ, потом схватила Аду, положила ее на заднее сиденье и порулила в ветлечебницу. Собаке предстояло провести в процедурном кабинете несколько часов.

Умостив Дюшу на каталке, я спросила Романа:

– Нельзя ли попросить какую-нибудь нянечку присмотреть за мопсихой?

– Лучше, если с больным животным сидит хозяин, – сурово отрезал ветеринар.

– Да, я понимаю, но у нас форсмажор, два ребенка одновременно попали в больницу.

– Что случилось? – Ветеринар снял очки. – У вас инфекция? Между прочим, некоторые человеческие болячки опасны для собак.

– Лиза и Кирюша отравились.

– Чем?

– Ну, похоже, недоброкачественным персиковым нектаром.

– Чем?

– Ну, знаете, такой сок продают, в маленьких картонных

пакетиках, с трубочкой, – пустилась я в объяснения. – Кирюша купил две упаковки, одну выпил сам, и ему сразу стало плохо. А вторую схватила Лиза и тоже едва жива осталась.

– Странные дела творятся у вас дома, – протянул Роман, – сначала Ада крысиного яда отведала, потом мальчик с девочкой дряни напились. Подозрительно это. Прямо как сглазил кто.

Я опустилась на табуретку. Сглазил. Ада отравилась, Кирюша и Лиза тоже. Правда, Дюше уже лучше, вон она лежит, вертит головой, очень смешная, в памперсе!

Памперс! Однако странно получается. Пришедшая цыганка держала в руках младенца в меховом конверте. Иногда я натыкаюсь на улице на таборных гадалок и знаю, что они не слишком озабочены соблюдением стерильности и не кутают своих детей. Вызывая оторопь у нормальных женщин, цыганята спокойно разгуливают босиком на холоде, очень часто девочка лет десяти тащит младенца, привязанного у нее за спиной при помощи грязного платка. Ни разу мне не попалась цыганка с крошкой в меховом конверте. Потом, на девочке был памперс. Я купила это приспособление для Адюши и была немало удивлена его ценой.

Пачка, содержащая десять штук непромокаемых штанишек, стоила больше двухсот рублей. Как дорого! Небось ребенок использует такую упаковку за два дня! Ладно, за три, все равно это удовольствие не для всех, и уж никак не для цыганки. Одетая эта Галя была не самым лучшим образом. И

потом, она очень неумело стаскивала с малышки штанишки, даже не расстегнув их. Я поступила точно так же, увидев памперс впервые. Но сегодня в клинике одна молодая женщина, заметив, как я пытаюсь освободить Дюшу от испорченных подгузников, сказала:

– Не дергайте так. Сбоку есть язычок, потяните за него, и сами расстегнутся.

Похоже, Галя не умела пользоваться памперсами, у нее не было запасного подгузника, свою голубоглазую малышку цыганка просто замотала в пеленку. Голубоглазую... От кого ребенку достались такие очи? Может, от отца?.. И где Ада нашла яд? Галя пошла к мусоропроводу, я на пару минут упустила ее из вида, а потом мопсика стала умирать. Напрягается лишь один вывод: цыганка отравила Адусю. Но зачем? Значит, она решила убить собаку, а потом Кирюшу и Лизу? Соком?

Но ведь, когда дети угостились нектаром, цыганки давно и след простыл.

– Если хотите съездить к ребятам в больницу, – вдруг участливо сказал Роман, – можно попросить мою жену посидеть с Адой. Лена ветеринар, сегодня у нее выходной, мы живем в двух шагах отсюда, она быстро придет.

– Спасибо, – обрадовалась я, – естественно, я заплачу вашей жене за дежурство.

– Договоримся, – буркнул Роман, и снова его лицо приняло равнодушное выражение.

Обвешавшись пакетами с едой, я ворвалась к Кате в ординаторскую. Подруга раздавила в пепельнице окурок и устало спросила:

– Ты чего притащила?

– Все, что они обожают. Для Кирюшки твердокопченую колбасу, слабосоленую семгу и торт, а Лизавете ее любимые конфеты.

– Уноси все домой, – перебила меня Катя, – потом, на Новый год, это на стол поставишь.

– Почему? – удивилась я. – Надо же несчастных больных побаловать.

– Они пока на капельницах, – объяснила Катя, – а потом детям придется на диете сидеть, после отравления. Кстати, пустой пакет сока, ну тот, что Лиза выпила, ты оставила?

– Нет, выбросила в помойку, а что?

– Ничего, – вздохнула Катюша, – теперь уже ничего, надо было упаковку на анализ послать, посмотреть, что там внутри имелось.

– А с ребятами поговорить хотя бы можно?

– Лиза спит, к Кирюшке загляни.

Я вышла в коридор и приоткрыла дверь палаты.

– Лампа, – слабо улыбнулся Кирюшка, – классно вышло.

– О чем ты, дружочек? – не поняла я. – Что «классного» ты нашел в столь неприятном событии?

– Сегодня городская контрольная по математике! – радостно воскликнул Кирюшка. – Вера Алексеевна сказала

вчера: «Если кто прогуляет, тому сразу в четверти «два» поставлю». А Лариска Кристова ее спросила: «Что, даже больным приходиться?» Верка надулась вся, покраснела и как взвизгнет: «Всем симулянтам «банан» влеплю, даже не пытайтесь пропустить урок. Исключение сделаю лишь для того, кто попал в реанимацию, ясно вам, Митрофаны?» А я как раз в палате интенсивной терапии и оказался. Во суперски вышло! Прямо как по заказу получилось. Мне эту контрольную никогда бы не решить.

– Послушай, – перебила я ликующего дурачка, – скажи, что ты ел вчера на завтрак?

– Я не успел даже чаю попить, – пожаловался Кирюшка, – меня Серега из постели вытолкнул и как заорет: «Скорей, опаздываем!» Умыться и то не дал.

– Значит, дома ты ничего не брал из холодильника?

– Нет.

– А в школе чем полакомился?

– Печенье съел, потом булочку с изюмом и один пакетик нектара выпил, второй на потом оставил.

– Сосиски в столовой не ел?

Кирюша сурово глянул на меня:

– Лампа, в нашей школе, в местном ресторане, харчатся лишь малыши, потому что училку боятся. Она их строем приводит и велит: «Жрать молча, иначе всему классу «два» по поведению поставлю». Вот первоклассники и давятся, а с нами уже такое не пройдет, старшеклассники в буфет ни но-

гой. Никому в голову не придет местные сосиски хомякать, их даже дворовый пес нюхать не станет. Поняла?

– Да. А где ты взял сок, печенье и булочку?

Кирюша помолчал, потом усмехнулся:

– Знаешь, Лампудель, тебе пора пить танакан или стугерон. Вон наша географичка стала эти лекарства употреблять и теперь больше не рассказывает на уроке, что Киев на Волге стоит. Ты тоже сходи в аптеку, сейчас маразм лечат.

– Я не просила оценивать мои умственные способности, просто хотела узнать, откуда у тебя взялся завтрак?

Кирюша захихикал:

– Маразм крепчал! Откуда, откуда – из портфеля! Ты же мне его сама положила!

– Я?!

Кирик взглянул на меня с огромной жалостью.

– Знаешь, Лампудель, очень тяжело видеть, как деградирует близкий человек. Вот ты уже не помнишь утром, что делала вечером, затем начнешь вместо хлеба деревяшки грызть, макароны гвоздями заменишь, нацепишь на голову кастрюлю и так гулять отправишься. Прямо беда с этими стариками. Нет, я точно в тридцать лет с собой покончу, чтобы не влачить ужасное существование развалины. Напоминаю: Лампудель, ты постоянно кладешь мне завтрак, правда, часто невкусный.

Я слегка растерялась. Может, конечно, моя память и начинает подводить хозяйку. Вот, например, неделю назад я

ускакала на работу, не помню, говорила ли вам, что теперь веду передачу на радио «Бум»¹, а когда прибежала домой, то не нашла в сумке ключей, пришлось звонить в дверь. Целый час потом я перетряхивала карманы и рылась в ридикюле. Тщетно, ключи испарились. Вечером ко мне, хитро улыбаясь, вошел Кирюша и, положив на подушку железное колечко с брелком, сказал:

– На.

– Ты нашел мои ключи, – обрадовалась я, – где?

Мальчик прищурился:

– А там, где ваше высочество их забыло, в замочной скважине, с наружной стороны. Дверь заперла и убежала, а ключики висят себе, покачиваются, заходите, воры дорогие, нам ничего для вас не жаль. Балда ты, Лампа, просто жуткая балдища!

И что было ответить? Кирюшка-то прав, ключи ни в каком случае нельзя оставлять снаружи, и теперь я самым тщательным образом, прежде чем двинуться к лифту, осматриваю дверь. Но вот завтрак! Я очень хорошо помню, что в тот день проспала, домашние сами собирались кто на работу, кто на учебу, никакого пакета с печеньем в рюкзак мальчика не клала!

– Кирюша, – осторожно спросила я, – тебе завтрак не показался странным?

– Да нет, – он пожал плечами, – впрочем, мне больше нра-

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Но-шпа на троих», издательство «Эксмо».

вятся глазированные сырки, чем печенье с булкой, но я просто идеальный ребенок, ем, что сунули.

– Значит, ничего особенного?

– Нет.

– Совсем?

– Абсолютно. А в чем дело?

– Да так просто...

– Нет уж, отвечай!

– Видишь ли, я не клала тебе в сумку еду.

– Кто же ее положил?

– Ну... надо спросить у наших. Может, Катя?

– Мама в тот день дежурила.

– Точно. Тогда Юля или Сережка.

– Да ты чего, – засмеялся мальчик, – еще про Костина вспомни или на собак погреси!

– Действительно, – протянула я, – откуда же появился пакет?

– Не знаю, – тихо ответил Кирюша.

Я молчала.

– Слушай! – вдруг воскликнул он. – Была одна странность.

– Какая?

– Помнишь, год назад я раздавил в рюкзаке йогурт и пришлось выбрасывать тетради?

– Было дело, ужасная картина. Как назло, десерт оказался с черникой.

– И что ты мне велела?

– Никогда не засовывать завтрак во внутреннее отделение.

– Верно. И я больше не кладу бутерброды вместе с учебниками.

– Ну и что? Я вытащила остатки еды из внешнего кармана!

– Правильно, я положил туда несъеденное, но первоначально печенье, булка и сок кантовались на книгах.

– И кто поместил харчи туда?

– Понятия не имею, – вздохнул Кирюша.

– Ты за портфелем следишь?

– Ну...

– Да или нет?

– Бросаю его на пол, возле класса, чтобы постоянно с собой не таскать, – признался Кирюшка, – а чего его стеречь? Кошелек и мобильный выну, остальное никому не надо. Может, кто перепутал и свою хавку ко мне пихнул? Ранцы-то у многих одинаковые!

Внезапно я вздрогнула. Цыганка! Это она! Сначала отравила Аду, потом подсунула яд мальчику. Зачем? Чем ей насолили мопсика и парнишка? Хотя Аду отравили на день раньше...

– Скажи, ты ни с кем в последнее время не ругался?

– С Анькой Левитанской подрался, – признался Кирюша, – но она сама виновата, чес слово. Дразнила меня, дразнила и получила в лоб.

– Это ерунда, я имею в виду на улице, с посторонними

людьми. Ну, допустим, подошла к тебе цыганка и предложила погадать, а ты ей нагрубил. Не было такого?

Кирюша вытаращил глаза.

– Не. Никакие гадалки ко мне не приставали.

– Точно?

– Конечно. А в чем дело?

– Ничего, потом объясню, – пообещала я, вставая, – ты лежи смирно, и вот что – если вдруг принесут пакет с едой, ничего не ешь. Никто из наших не станет передавать тебе сладости через нянечку, сами в палату доставим. Будь осторожен.

– Лампа, объясни, в чем дело, – занял Кирюша.

– Тебя хотели отравить, – сказала я, – не исключая возможности, что Ада просто слопала шоколадку, которую некто положил в детской, на подушке. Поняв, что попытка не удалась, преступник решил предпринять новую попытку и пихнул в твой портфель завтрак.

– И зачем меня травить? – подскочил Кирюша. – Че я сделал-то? Аньке пятак начистил?

– Думаю, Левитанская тут ни при чем.

– А кто?

– Пока не знаю.

– Лизку-то тоже хотели убить?

– Наверное, нет, сок предназначался тебе, Лизавета – случайная жертва.

– Ох и ни фиги себе, – дрожащим голосом сказал Кирю-

ша. – Я фильм на днях смотрел, там дядька просто так людей мочил, без повода, псих был. Может, и на меня такой напал?

– Есть у меня одна мыслишка, – протянула я.

– Выкладывай! – жадно воскликнул мальчик.

– Пока нечего, но, как только что-нибудь узнаю, мигом сообщу. А ты до поры до времени никому из наших не говори ни слова. Вдруг мне в голову глупость пришла, потом засмеют и дразнить до конца жизни будут!

– Ага, – кивнул Кирюша, – молчу и ничегошеньки не ем!

– Ну это уж слишком, если свои принесут, угощайся. Ладно, лежи, отдыхай.

– Лампа, ты уж постарайся разобраться в этом деле, – взмолился Кирюшка, – а то мне чего-то страшно!

– Не волнуйся, – обняла я его, – все раскопаю обязательно и найду того, кто задумал эту гадость.

Выйдя из больницы, я позвонила Роману, узнала, что Адюша мирно спит под присмотром Лены, слегка успокоилась и поехала домой. Сначала на секунду заглянула к нам, а потом доехала до последнего этажа и стала требовательно звонить в квартиру Маши.

– Хтой-то тут торопливый такой, – понеслось из-за створки, – чаво колотиться?

Дверь распахнулась. Я никогда до этого не была в гостях у соседки и невольно вздохнула. Маша, очевидно, недавно сделала хороший ремонт. В частности, она разбила стену между прихожей и комнатой, получился большой холл, в ко-

тором стояла вешалка, пара кожаных кресел и висело круглое зеркало.

– Ну, – прищурилось существо, открывшее дверь, – ты, вообще, кто? Чаво меня дергаешь? На время глянь! Народ спит ищю, срання явилася!

– Полдень на дворе, – возразила я.

– И чаво? Пили отсюда!

Я окинула взглядом девушку, маячившую у порога. Слов нет, хороша, как конфетный фантик. Темно-каштановые кудри тяжелыми волнами спускаются на точеные плечи. Огромные, бездонные карие глаза сияют на смуглом личике, нос тонкий, очень аккуратный, рот совершенной формы, да и фигура хоть куда. Нахалка не потрудилась набросить на себя халат и стоит сейчас передо мной в лифчике и крохотных мини-шортиках. На запястье тонкой руки видна довольно крупная родинка, но она не портила девчонку, скорей придавала ей шарм. Не произноси девица ни слова, ей бы цены не было.

– Вы Марийка? – вежливо поинтересовалась я.

– И чаво?

– Так да или нет?

– И чаво?

– Марийка?

– Ну?

Я решила заехать с другой стороны:

– Ваша свекровь, Маша, дома?

– Не.

– А Павлик?

– Хто ты якая, шоб у меня спрашивать про моюво мужика?

– Видите ли, я ваша соседка...

– Коли вода на башку льется, то не от нас.

– Вы меня не поняли...

– Ступай в жэк, там и скандалься! Ищъ, заявятся усякие, денег им на обои давай! Нашли дурней. У свекровки ничаво нет, усе в бизнес вложено, а я нищая, уматывай вон!

Разозлившись, я отчеканила:

– Марийка, перестаньте идиоткой прикидываться, со мной это не пройдет. Я на самом деле Машина соседка, но живу не под вами, затопить нашу квартиру вам трудно.

– В чем тогда дело? – удивленно и вполне по-русски осведомилась Марийка.

– Ко мне приходила ваша сестра, Галя.

– Хто? – снова перешла на привычный сленг Марийка. – Якая такая Халя? Да ты заходъ в хату, не мнись на приступке.

Я вошла в квартиру, Марийка быстро захлопнула дверь, ловко задвинула две огромные щеколды, села на диван и нахмурилась:

– О чем вы балакаете? Прямо пургу гоните!

Ее стройные, гладкие, без признаков какой-либо растительности ножки начали постукивать по полу. Девушка либо нервничала, либо в силу природной живости была не способна спокойно сидеть на месте.

– Ваша сестра, – повторила я, – Галя, на днях заглянула ко мне. Она хотела перепеленать дочку и забыла у нас шарфик, вот я принесла его вам, отдайте ей.

С этими словами я вытащила из кармана ярко-синий кусок кашемира, которым заматываю в мороз шею, и продемонстрировала его Марийке.

– Бреешь! – рявкнула та.

– Что? – не поняла я.

– Комедию ломаешь, – сказала Марийка. – Нету у меня никакой сеструхи Халки, и ваще, сиротина я, одинокая! Ни матери, ни отца, по улице толкалась, капустой торговала, пока Павлуху не повстречала. Ён мне таперича и родитель, и муж, и брат!

– У вас нет сестры, цыганки Гали? – спросила я еще раз. – Точно помните?

– А то я на мозги зашибленная, – затрясла роскошными кудрями Марийка, – и родню не упомяну. Померли усе мои, в хате погорели. Дед с пьяных глаз полез самогонный аппарат вострить, ён электричество экономил, ну и попер на столб, прямиком в линию, его током шандарахнуло, пожар пошел, уся изба погорела, с народом, тама люди пьяные лежали.

– Вы, значит, выскочили?

– Мне там не було, в поле горбатилася, свеклу полола, приперлася домой, глянь, пепелище черное. Вон какой рулет случился. Крайняя, одинешенька осталась, а шток с голодухи не сгибнуть, поехала в Москву.

– Мне всегда казалось, что таборные цыгане – люди очень родственные и одну девушку на заработки в чужое место не отпустят.

– Кто? Цыгане? Так они мне кто?

– Вы не цыганка?

– Ваще, прям! Ищо скажи эфиепка, – всплеснула руками красавица, – с Молдавии я, с хутора, цыганам не родня. Во, сказанула! И никаких сестер с братьями не имею!

– Но эта Галя...

– Набрехала она тебе, – улыбнулась Марийка, – облохла. Небось чего спереть пришла, ты глянь-то вокруг, мабуть деньги пропали але золото, а шарфик-то выброси, наверно, заразный.

Глава 5

Я в задумчивости вышла на лестницу и выключила лежавший в кармане диктофон. Костин многократно ругал меня за желание самостоятельно распутывать детективные истории. Вообще-то я пропускаю его слова мимо ушей, но одно замечание приняла к сведению.

– Ты вечно совершаешь глупости, – шипел майор, – забываешь то, о чем тебе рассказывали люди, занимаешься не своим делом.

По поводу не своего дела еще можно поспорить, а вот насчет моей забывчивости все чистая правда. Поэтому, сделав правильный вывод из услышанного, я теперь постоянно прихватываю «на дело» диктофон, включаю его незаметно в кармане, а потом дома по несколько раз прослушиваю запись.

Значит, Галя наврала, она просто использовала имена Маши, Марийки и Павла, чтобы беспрепятственно проникнуть в нашу квартиру. И ведь справилась с задачей, я поверила ей, разрешила пройти в ванную, а потом на кухню.

Следовательно... Ох, похоже, дело плохо. Галя серьезно подготовилась к преступлению, узнала имена наших соседей и безошибочно выбрала тех, чьей родственницей могла прикинуться без всякого труда.

Смуглая Марийка и цыганка похожи, во всяком случае, цвет кожи и волос у них один, глаза у обеих карие, огромные.

Странно, однако, что у младенца они были ярко-голубые.

Я дошла до своей квартиры и присвистнула. Вот оно что! Малышка вовсе не дочь Гали, она взяла ее напрокат. Поэтому молодая мать так неловко управлялась с памперсом, небось увидела непромокаемые штанишки впервые в жизни. И о чем это говорит? Да о том, что Галя тщательно, прямо как агент ФСБ, выстроила свою легенду. Она стремилась во что бы то ни стало попасть в квартиру, чтобы отравить Аду и Кирюшу.

Быстроглазая девица, уходя, начала мне «гадать» и сообщила про смерть пучеглазой собачки. Что она там несла? Вот черт, не помню дословно. Вроде умрут все: собаки, люди. Спасти нас может лишь появление ангела, который придет сам в результате какой-то неприятности.

И что мы имеем на сегодняшний день? Ада, Кирюша и Лиза оказались под капельницами.

В полном ужасе я схватила телефон и принялась обзванивать своих.

– Юля, не езди в метро, не ешь обед, не пей воды! Нигде, кроме дома.

– Ага, – хихикнула та, – классно придумано.

– Пообещай, что и Сережка поступит так же!

– Лампа, ты упала и ударилась головой?

– Дело очень серьезное! Поверь. Ничего не берите в рот, ни при каких обстоятельствах. Только дома ешьте, из моих рук.

– Да мы умрем от истощения!

– Не глупи! Подумаешь, до вечера не поесть! Да человек способен голодать без ущерба для здоровья целый месяц.

– Лампа, мы же с Сережкой сейчас улетаем во Владивосток. Или ты забыла? Столько про командировку рассказывали! Вернемся через три недели. Уж не знаю, что ты задумала, но нам придется все-таки хоть один разок за двадцать дней покушать. Извини, если нарушила твои планы. Кстати, мы только что в Домодедово кофейку с пирожными сходим, и ничего, классно пошло. Все, заканчиваю, нас на посадку зовут. Прилетим, позвоню. Чао.

Действительно, совершенно вылетело из головы! Сережка и Юля несколько дней талдычили о страшно выгодном заказе, который удалось получить их новорожденному рекламному агентству во Владивостоке. Все-таки дети правы, я бываю крайне к ним невнимательна.

Следующий звонок я сделала Вовке.

– Костин, – сурово ответил приятель.

– Мне надо с тобой поговорить.

– Не сейчас.

– Дело очень срочное.

– Вечером, – сухо отреагировал майор.

– Речь идет о жизни и смерти.

– В прошлый раз, когда ты сделала подобное заявление, – сердито ответил Вовка, – я, как дурак, попался на удочку, примчался на твой зов, и что оказалось? Тебе понадобился

человек, способный взглянуть со стороны на пальто. Приволокла меня в магазин, нацепила на себя хламиду и стала вертеться перед моим носом, приговаривая: «Ну как? Спина не морщит?»

– Но пальто невозможно покупать одной, – возмутилась я, – от продавцов правды не услышишь, им хочется побыстрей вещь сбыть с рук. Сейчас речь не об одежде идет!

– Значит, о сапогах или губной помаде. Вечером поговорим.

– Меня хотят отравить!

– Знаешь, иногда подобные мысли посещают и мою голову!

– Катю тоже. Впрочем, и Сережу, и Юлю, и Рейчел, и Рамика, и Мулю. Может, и тебя. Спасут же нас ангелы, они будут нас хранить, понимаешь?

– Ага, – буркнул майор, – шиза накатила. Ты грибы галлюциногенные не ела? Клей не нюхала?

– Вовка! Дело слишком серьезное. На днях ко мне явилась цыганка с голубоглазым младенцем. Она отравила Аду, подсунула Кириюше сок с ядом.

– Лампудель, – перебил меня Костин, – сколько раз я предостерегал тебя от неумеренного просмотра телесериалов и чтения детективов, которые строчит обожаемая народом госпожа Татьяна Устинова. Впрочем, до цыганки, пришедшей с голубоглазым младенцем в квартиру, дабы отравить мопсиху, даже Устиновой не додуматься, все-таки ей до

такой степени чувство меры не отказывает. Значит, так, ангел мой, если в стенах видишь люки, не волнуйся, это глюки. Выпей успокоительное и ложись отдыхать.

– Володя! Сконцентрируйся! Аду отравили, Кирюшу и Лизавету тоже!

– Мопсиха, любительница хватать всякую дрянь, подобрала у бачков отраву, Кирюхе впарили в ларьке стухший сок, а Лизавета совершенно случайно выпила второй пакет! – рявкнул майор.

– Сок был свежим, я проверила дату.

– Даже самый качественный продукт испортится, если сначала его подержать в ящике, на холодной улице, а потом пристроить у раскаленного обогревателя, – сердито возразил Костин, – а именно так очень часто поступают продавцы в тонарах.

– Но цыганка! С младенцем!

– Осеннее обострение у тебя скоро пройдет, – заявил Вовка, – ласковый дядя психиатр вылечит. Кстати, Славка классный анекдот рассказал: «Сидит под деревом доктор Айболит и говорит зайчику: «Сейчас пришью тебе новые ножки, и ты снова побежишь по дорожке».

«Может, не надо? – молит косой. – Это уже сороковые ножки, мне, ей-богу, трудно скакать по дорожке!» Правда, смешно?

– Вовсе нет, – обозлилась я, – глупо очень!

– Совсем ты плохая, – пожалел меня Вовка, – эх, что с

людьми шиза делает! Юмор понимать перестают.

– Дурак! – буркнула я и отсоединилась.

Вот и имей дело с таким. Вместо того чтобы насторожиться и принять экстренные меры, Костин идиотничает. Ладно, с ним разберусь потом, теперь же надо предупредить Катюшу.

– Да, – устало ответила подруга, – что у нас еще стряслось?

– Все нормально.

– Это удивительно.

– Ничего не ешь и не пей и вообще питайся только дома, нас хотят отравить, цыганка...

Выслушав мой обстоятельный рассказ, Катя осторожно спросила:

– Лампуша, ты витамины принимаешь?

– Нет, – удивилась я, – а при чем тут они?

– Есть совершенно замечательные средства, – вдохновенно завела подруга, – дают удивительные результаты, просто волшебные. Люди на глазах меняются, память укрепляется. Вот, допустим, средство, содержащее гинкго, ты купи. Правда, дорого, одна баночка под тысячу рублей тянет, но, во-первых, там сто восемьдесят капсул, а во-вторых, какой эффект!

– Намекаешь, что я сумасшедшая!

– Никогда в жизни, – затараторила Катюша, – с чего тебе в голову такая дурацкая идея влетела? Просто осень на дворе, идет перестройка организма. Многие люди ошибочно пола-

гают, будто поддерживать себя надо весной, дескать, к марту у нас иммунитет ослабляется. Оно и верно, только ближе к зиме дело обстоит еще хуже...

– Катя, – прервала я подругу, – очень тебя прошу...

Но закончить фразу мне не удалось. Из телефона послышался еще чей-то чужой голос:

– Екатерина Андреевна, у Федоськина опять началось.

– Потом, Лампуша, поговорим, – скороговоркой бросила подруга и отсоединилась.

Я топнула ногой. Ну что за люди меня окружают! Просто слепоглухонемые! Никто из домашних не видит подкрадывающейся опасности и не верит в рассказ о цыганке. И как теперь поступить?

Злясь на своих, я оделась и порулила в ветеринарную лечебницу. Роман встретил меня с таким мрачным лицом, что мои ноги внезапно подломились в коленях. На каталке лежало нечто, целиком, с головой, прикрытое одеялом.

– Уже пришли? – рявкнул ветеринар. – Ну-ну.

– Да, – прошептала я, – говорите.

– Что?

– Все. Не волнуйтесь, я не истеричка. Ада?..

– Ее Лена повела на нашу кухню, – спокойно сообщил Роман. – Собаку следовало чуть-чуть покормить диетической едой.

Ледяная рука, сжимавшая желудок, разжалась. Я опять уставилась на страшное НЕЧТО, укутанное одеялом, и вне-

запно поняла, что вижу тюк грязного белья, приготовленный, очевидно, для прачечной.

– Сколько я вам должна?

– Счет на кассе, за капельницу.

– А лично вам?

– Ничего.

– Но как же?

– Евлампия Андреевна, ступайте.

– Ваша жена сидела весь день с Адой!

– Это ее работа.

– Но вы сказали, что у супруги сегодня выходной!

– Лена всегда проводит его со мной, в клинике.

– Не могу же я просто так уйти!

Роман снял очки, устало вытер глаза носовым платком, близоруко поморгал, посадил вновь оправу на нос и ледяным тоном заявил:

– Забирайте Аду и уезжайте. Привезете мопсиху через три дня, возьмем для порядка анализы, но, надеюсь, все будет благополучно. Сейчас придет Лена, вы ступайте в двенадцатый кабинет, Аду туда приведут. Жена детально расскажет о диете, вам придется некоторое время готовить мопсике особую еду.

– Но... – Я попыталась вновь завести песню о гонораре.

– Ступайте, Евлампия Андреевна, – измученным голосом велел Роман, – оставьте меня с крайне неприятным делом наедине.

– С каким делом? – не поняла я.

Ветеринар ткнул рукой в угол:

– Да вон, спят, несчастные, ничего, конечно, не понимают, а у меня рука не поднимается. Но куда деваться, с утра собираюсь, собираюсь, до конца рабочего дня дотянул. Даже передать не могу, до чего мерзко на душе.

Я присмотрелась. В картонной коробке, похоже, упаковке из-под бананов, на рваной простынке, прижавшись друг к другу, лежали два мопсенка, совсем еще крошки. Нежно-бежевые шубки украшала темная полоска, бегущая от головы к хвосту, большие ушки свешивались вдоль умильно-складчатых черных мордочек, бублики хвостиков раскрутились. Щеночки мирно спали.

– Какие хорошенькие! – умилилась я. – Лапочки! Ой, миленькие! Смотрите, один зевает!

– Это девочки, – совсем помрачнел Роман, – Феня и Капа, им по три месяца.

– Такие маленькие тоже болеют? А что с ними?

– Ничего.

– Их на прививку принесли?

– На усыпление.

Я заморгала. В этот момент одна мопсишка села, потрясла башкой и, недолго думая, кинулась на мирно сопящую сестру, та, моментально проснувшись, принялась кусать озорницу. В ящике началась веселая возня. Мы с Романом молча наблюдали за потасовкой. Внезапно ветеринар встал и забе-

гал по кабинету.

– Да, – забормотал он, – я усыплял животных, и не раз, по жизненным показаниям. Вон, сегодня утром овчарку принесли, восемнадцать лет, запущенная онкология, парализованные ноги. Собака страдает, и потом, она прожила весь свой век, а эти? Ну чем они виноваты? Только тем, что к придуркам попали? Здоровые, веселые, им бы жить да жить. Так нет, давай, Роман, убивай. Не могу! Не хочу!

– А за что их? – пробормотала я, наблюдая, как мопсята пытаются выбраться из короба.

– В общем, ничего экстраординарного, – пожал плечами Роман. – Девочка Олеся давно просила собачку, только мама была против, дескать, животное все порвет, испортит и обои съест, а у них в квартире евроремонт. Мама уехала в командировку, а папа взял да и купил ребенку двух мопсят, Феню и Капу. Естественно, щенки везде писают, еще они ножки у стола сгрызли. Мама вернулась, пришла в ужас, устроила мужу вселенский скандал, вот он нам собачат сюда и приволок на усыпление. Еще порядочный человек оказался. Другой бы просто вынес к помойке, а этот «пожалел». Убивал бы таких «собачников». Знает ведь, на какой ведьме женат, слышал не раз от своей супруги фразу: «Терпеть не могу собак», и принес домой мопсят, кретин, недоумок, урод!

– Бедная девочка, – вырвалось у меня, – представляю, что испытывает ребенок.

– Ей сказали, что они потерялись во время прогулки, –

вздохнул Роман. – Ладно, идите, Евлампия Андреевна.

Он подошел к шкафчику, распахнул стеклянные дверцы, вытащил ампулу, взял пилку...

– Стойте! – крикнула я.

Роман вздрогнул.

– Что?

– Они никому не нужны? Феня и Капа?

– Да.

– Вы их сейчас убьете?!

Роман положил ампулу в эмалированный лоток и зло спросил:

– А у меня есть альтернатива?

– Предложите кому-нибудь взять щенят.

– Весь день только этим и занимался, никто не хочет.

На мои глаза навернулись слезы. В этот момент Феня и Капа, словно поняв, что их ждет, притихли, прижались друг к другу и затряслись. Одна мопсишка посмотрела на меня умоляющим взором, вторая тихонько заскулила. Я ринулась к ящику и схватила собачат. От щенков пахло чем-то приятным, нежная шерстка на ощупь напоминала шелк. Мягкие язычки быстро-быстро облизали мои руки.

– Я забираю их!!!

Роман вытаращил глаза.

– Извините...

– Беру себе Феню и Капу.

– Но...

– Нельзя? Вы же только что сказали: они никому не нужны.

– Насколько я понял, у вас, кроме Ады, еще три собаки.

– Ну и что? Квартира большая, и вообще мы планировали строить дом в Подмосковье и переезжать туда на постоянное жительство.

– Ваши родственники могут быть против.

– В нашей семье уродов нет, – сообщила я, заматывая отчаянно вертящихся мопсят в остатки рваной простыни, – как-нибудь прокормим. Если совсем оголодаем, станем вместе пшенку есть. Впрочем, такое нам не грозит, все в семье работают, вертимся, никто не ноет и не стонет. Только помогите мне Аду до машины донести, а то рук не хватает.

Глава 6

Оказавшись в автомобиле, щенки заснули. Вполне живая Ада с легким изумлением оглядывала мопсят. Сначала она их обнюхала, потом недоуменно гавкнула, на ее морде явно читался вопрос: «Это что, мои?»

Год назад Ада уже побывала в этой клинике. На даче, в Алябьеве, она нашла в прямом смысле этого слова под кустом свою любовь, дворянина Дика, и повеселилась с кавалером по полной программе. Адюша, начисто забыв про то, что является девушкой из приличной семьи, каждое утро, визжа от счастья, убегала на свидание. В сентябре наступила расплата: на свет явились два дитенка, названные Винни и Риччи. Ада едва разродилась, пришлось делать ей кесарево сечение. В тот раз я так же везла из больницы Адюшу и двоих новорожденных, и она тогда тоже с огромным недоумением смотрела на детей. В момент родов собака находилась под наркозом и просто не поняла, откуда появились щеночки.

– Гав? – деликатно поинтересовалась Ада. – Гав? Гав?

– Именно так, – согласилась я, – гав, гав. Если тебе приятно, можешь считать их своими отпрысками.

Перетащив всех мопсов в квартиру, я оставила Феню и Капу в коридоре. Из комнат моментально принеслись Рейчел, Рамик и Муля. Раздалось сопение, пофыркивание, почавкивание. Собаки приветствовали выздоравливающую

Адюшу и познакомились с новыми членами стаи.

На мгновение я присела около кухонного стола. И тут раздался телефонный звонок.

– Что у нас нового? – спросила Катя.

– Э... в принципе все по-старому. Адюша дома, вполне бодрa, сама передвигается.

– Отлично, Кирюшка с Лизаветой уже поругались.

Я засмеялась:

– Хорошая новость, значит, они выздоравливают.

– Не волнуйся, я приеду поздно.

– Почему?

– Ну, пока доплюхаю до метро, потом пересадки.

– Ты же на машине.

– Она не заводится.

– Подожди, сейчас приеду за тобой.

– Не надо, я воспользуюсь подземкой.

– До нее еще добраться надо, жди, несусь!

– Лампа, уже поздно, я звонила не для того, чтобы выдержать тебя из кровати, просто хотела предупредить: не волнуйся, задержусь.

– Все поняла, лечу.

Если честно признаться, я очень плохо вожу машину. Никакой радости сидение за рулем мне не доставляет. Хорошо, если приходится катить по известному маршруту, ну, допустим, дом – рынок – супермаркет – прачечная. Этот путь знаком мне до деталей, без особого напряжения могу добраться

еще в школу к Лизавете и Кириюшке, хотя туда быстрее дойти пешком. Все остальные поездки – сплошной стресс. Сначала я беру атлас и тщательно прокладываю путь по карте, особое внимание обращаю на левые повороты. Я долгое время ездила за троллейбусом и только недавно освоила новый трюк: теперь качу около общественного транспорта, прикрываясь железной машиной, набитой пассажирами, от потока бешено несущихся автомобилей. Поэтому повернуть налево для меня жуткая проблема.

Впрочем, неприятности на дороге возникают постоянно. Очень часто я, тщательно подготовившись, следуя проложенным маршрутом и натыкаясь на знак «Проезда нет» или «Одностороннее движение». Ежу ясно, двигаться по переулку следует совсем не в ту сторону, куда нужно мне. Я паркуюсь, хватаю атлас и начинаю злиться. В моем «путеводителе» данная магистраль отмечена как обычная, значит, знак повесили недавно. А еще я бы запретила сотрудникам ГАИ вручную переключать светофоры. Если у пульта маячит плотная фигура в форме, жди громадную пробку. Ну почему бы метров за сто не поставить предупреждение вроде такого: «Внимание. По улице Росовихинской теперь можно двигаться лишь в сторону рынка. Левый поворот с проспекта запрещен». Увидав подобное дацзыбао, даже я успею перестроиться. А то доедешь до места, ткнешься носом в перечеркнутую стрелку, притормозишь в недоумении и создашь затор.

Но дорога к Кате на работу мне отлично известна. Примерно через час я подхватила подругу и попросила:

– Сядь сама за руль.

– С огромным удовольствием, – согласилась Катюша.

И это правда, для нее управление машиной праздник, даже такой убитой «шестеркой», которая принадлежит мне. Вернее, раздолбанный «жигуленок» был первым авто, которое приобрела себе Катюша, у нее в тот момент просто не было денег. Потом Сережка и Юлечка стали вполне прилично зарабатывать, и семья высунула голову из болота нищеты. Вот тогда Катя и приобрела себе подержанный «Фольксваген», который оказался вполне надежным средством передвижения, до сегодняшнего дня он Катюшу не подводил. Старую «шестерку» продавать не стали. Во-первых, ее никто не купит, даже даром не возьмут, слишком непрезентабельно выглядит тачка, а во-вторых, домашние настояли, чтобы я получила права.

– Катайся на колымаге, – велел Сережка, – убьешь драндулет, наберешься опыта, тогда и купим тебе новенькую машинку.

Я не стану тут описывать, как овладевала ремеслом гонщика, уже один раз это делала и повторяться не хочу², скажу только, что «шестерка», несмотря на убитый вид, верой и правдой служит мне. Под уродливой внешностью часто скрывается красивая душа, не все то золото, что блестит, и

² См. книгу Дарьи Донцовой «Созвездие жадных псов», издательство «Эксмо».

не все плохо, что ужасно выглядит, простите за банальное замечание.

Катюша ловко выехала за ворота, и мы лихо понеслись сквозь пелену дождя. Ливень лил как из ведра, видимости почти не было. Я со страхом посмотрела на спидометр. С ума сойти, какая скорость! Целых шестьдесят километров в час. Сама я больше сорока никогда не газую.

Поймав мой взгляд, Катюша улыбнулась, красная стрелка прибора тихо поползла вниз, я расслабилась и задремала. Внезапно меня кинуло вперед, голова со всего размаха стукнулась о торпеду, из глаз посыпались искры.

– Мама! Что случилось? – взвизгнула я, потирая ушибленный лоб. – Разве можно так тормозить!

Катя, бледная, словно чисто выстиранная простыня, сидела, вцепившись в руль.

– Что случилось? – повторила я.

– Кажется, я сбила человека, – прошептала подруга.

– Как? – перепугалась я.

– Не понимаю, – прошептала Катюша, – он сбоку выскочил, словно тень, тут ведь есть подземный переход, мы уже от дома в двух шагах, осталось во двор заехать, и вдруг такое...

– Может, ты ошиблась? – робко предположила я.

– Нет, – лепетала Катя, – он прямо перед стеклом возник, руками так взмахнул и обвалился. Надо посмотреть, может, жив?

Плохо повинующимися руками я нашарила ручку, Катя сделала то же самое, и мы одновременно оказались на улице. Сырой ветер ударил в лицо, холодный дождь мигом потек за шиворот, я вздрогнула и увидела, что мостовая пуста. Огромное облегчение и полнейшее счастье наполнили душу.

– Тебе показалось! – заорала я.

– Нет, – качала головой Катюня, – нет, он был, падал.

– Значит, ты его не задела! – ликовала я. – Парень нарушил правила, пренебрег переходом, пошел через проспект, чуть не попал под нашу машину, а потом, испугавшись, что мы ему наподдадим, удрал. Садись, поехали домой. Кстати, у нас там сюрприз. Давай, чего стоишь!

Но Катюша не шевелилась, она молчала, кусая губы, потом принялась тыкать пальцем куда-то вбок. Я проследила за ее рукой и онемела. Из-под капота выглядывал ботинок. Вернее, нога, обутая в сильно потрепанный штиблет.

– Я убила его, – прошелестела Катя, – надо вызывать милицию.

Я схватила ее за руку.

– Постой, быстро иди домой.

– Но наезд!

– Живо уходи. Скажу, что сама сидела за рулем.

– Нет, ты с ума сошла.

– Да! У тебя дети, у меня никого. Ты работаешь, и вообще это моя машина.

– Лизавета и Кирюша тоже твои, – тихо возразила Катя, –

и денег ты в прошлом месяце за треп на радио больше моего получила.

– Уходи, у тебя слабое здоровье, в тюрьме можешь заболеть.

– Нет, отвечать мне!

– Лучше мне!!! Я сильнее!

Тут из-под машины раздался тихий стон.

– Вы живы? – заорали мы с Катюшей и, шлепнувшись разом в холодную грязь, стали заглядывать под «Жигули».

– Да, – донеслось в ответ, – позовите врача.

– Доктор здесь, – деловито ответила я, – руки, ноги шевелятся?

Мужчина задержался.

– Отлично, – приободрилась Катюня, – попробуйте вылезти.

Послышалось кряхтение, бормотание, потом из-под днища показалась вторая нога, торс, руки и голова. Незнакомец сел и обалдело спросил:

– Где я?

– Здравствуйте, – на всякий случай сказала я, – вы на мостовой, перебежали дорогу в неподобающем месте, рядом с подземным, совершенно безопасным переходом, и угодили мне под колеса.

– Мне под колеса, – перебила Катя.

– Нет, мне, – повторила я.

– За рулем сидела я!

– Врешь, я.

– Тут две машины? – закрутил головой мужик.

– Нет, – хором ответили мы.

– У вас где болит? – В Кате проснулся хирург.

Подбитый потряс головой:

– Нигде.

– Совсем?

– Да.

– Думаю, тогда нет необходимости вызывать ГАИ, – быстро сказала я, – тем более что вы... Э...

– Юра, – представился пострадавший, – Юрий Иванович.

– Очень приятно. Евлампия Андреевна Романова, это я вас сшибла.

– Нет, я, – принялась настаивать на своем подруга, – Екатерина Андреевна Романова.

– Вы сами виноваты, – я решила расставить точки над i, – побежали через проспект, в темноте, одеты в серую куртку. Еще счастье, что мы не убили вас. Отвратительное поведение.

– А убили бы, – обреченно заявил Юра, – так и ничего, плакать некому, я один на белом свете, никого близких нет.

– Вам-то точно хорошо было бы, – окончательно рассердилась я, – лежи в уютном гробу, спи спокойненько, а мне на зону? Между прочим, у меня двое детей!

– Это мне в тюрьму, – не упустила момента, дабы настоять на своем, Катя, – а дети не совсем сироты, они при Лампе,

но все же плохо было бы.

– Убивать таких надо, – кипела я, – переход рядом. Да ты просто козел!

Юра молчал.

– Тебе плохо? – насторожилась я.

– Нет, вернее, да.

– Что болит?

– Ничего.

– Зачем тогда врешь, что плохо! – понеслась я вновь по кочкам. – Если хочешь от нас деньги получить, то имей в виду, не дадим ни копейки.

– Только на химчистку, – влезла Катя, – вон, всю куртку и брюки испачкал.

– Еще чего! – возмутилась я. – Это он тебе денег должен за моральный ущерб, небось чуть инфаркт не получила, когда эта гадость в куртке перед тобой внезапно возникла.

Катя тяжело вздохнула:

– Ужасно. Думала – умру.

– Вот видишь! Еще на химчистку ему! Ну-ка, быстро отползай, нам домой пора.

Юра покорно встал. Я дернула Катю:

– Пошли, труп совсем здоров.

Но подруга приблизилась к Юре:

– У тебя что-то случилось?

– Маму сегодня похоронил, – ответил он, – отвез на кладбище и пошел по городу бродить куда глаза глядят, сам не

понимаю, как к вам под колеса попал, уж извините. Только за моральный ущерб сразу не возьмешу, зарплату тридцатого дают. Сколько вы хотите? Триста баксов хватит?

– Нисколько, – ответила Катя, – Лампа пошутила. Ты где живешь, далеко?

Юра замялся:

– Ну... в общем, да, в Жулебине.

– Господи, – удивилась я, – сюда-то как приплюхал?

– Понятия не имею, шел, думал о своем. Вы не волнуйтесь, сейчас чуть-чуть обсохну и к метро двину, авось пустят, хоть и грязный весь.

Я поежилась под проливным дождем, да уж, высохнуть в такую погоду представляется проблематичным. Катюша нахмурилась.

– Пошли к нам, – сказали мы с Катей в один голос.

– Что вы! – испугался Юра. – Вас мужья отругают, привели неизвестно кого с улицы.

– Мы живем без супругов, – хмыкнула я, – сами себе хозяйки.

– Тем более неудобно, что соседи подумают.

– Нам на них наплевать, – улыбнулась Катя, – и потом, о нас с Лампой даже сплетничать перестали. Хватит тут мокнуть. Не жить же к себе зовем, вымоешься, почистишь костюм, куртку, поужинаем, вызовем такси, и уедешь спокойно.

– Однако...

– Хватит, – оборвала его я, – еще секунда, и получу воспаление легких. Значит, так, все слушают меня. Ты, Катя, снимай грязное пальто, садись в машину и паркуй ее во дворе. Юра, шагом марш вперед, тут десять метров до подъезда, в «шестерку» незачем садиться, да и перемажешь все сиденье.

Новый знакомый неожиданно покорно кивнул и двинулся за мной.

Прямо с порога мы впихнули Юру в ванную.

– Там на крючке висит халат, темно-синий, – сообщила Катя, – надевай спокойно, мы его для Костина купили, а он его даже примерить не захотел. Одежду брось на пол, ты выйдешь, мы ее постираем и сразу в машине высушим.

Пока Юра умывался и переодевался, я прошла на кухню, поставила чайник и быстро соорудила яичницу.

Через полчаса гость, розовый и сытый, рассказывал нам свою жизнь.

Юра жил вместе с мамой в коммунальной квартире. Две комнаты в ней занимала семья Федорчуков, одна принадлежала Анне Ивановне и Юре. Потом парень женился на симпатичной девушке из провинции, хохлушке Яне. Счастье улыбнулось молодым, дом пошел под снос, и жильцам дали отдельные квартиры, правда, в Жулебине, а не на Мясницкой, где раньше обитал Юра.

Пару лет Юра наслаждался семейной жизнью, омрачали ее лишь скандалы, которые устраивали Яна и Анна Ивановна. Свекровь никак не могла подружиться с невесткой и по-

стоянно ее шпыняла, а та, естественно, не оставалась в долгу.

Потом Анна Ивановна заболела, очень тяжело, ей сделали сначала одну операцию, потом другую, третью, Юра поселился в клинике, около любимой мамы, выхаживал ее, как мог, кормил с ложечки, давил соки, но не сумел отнять у смерти.

Три дня назад Анна Ивановна скончалась. Юра, ослепший от горя, приехал домой и не смог открыть дверь. Довольно долго он пытался вставить ключ в скважину, пока до него не дошло: Яна сменила замок.

Жену он прождал долго. Яна явилась за полночь, не одна, в сопровождении амбала, мужика ростом под два метра и весом в полтора центнера.

– Приперся? – безо всякой радости спросила она мужа.

Тот, обалдев от такого приема, выдавил из себя:

– Яна, что происходит?

– Развожусь с тобой, за другого выхожу.

– Как? – изумился Юра.

– Так, – злорадно прищурилась Яна, – а ты чего хотел?

Целыми днями дома нет, шляешься неизвестно где, не ночуешь. Кто ж такое вытерпит? Ясное дело, и я не стала, устроила свою судьбу.

Обалдевший Юра моргал глазами. Единственное, что он сумел выдавить из себя, было:

– Мама умерла.

– Ну и ладно, – кивнула Яна, – не о чем особо печалиться,

она большую жизнь прожила, я до ее лет не дотяну, раньше в ящик сыграю, поэтому надо пользоваться каждой минутой.

Следующие дни превратились в кошмар. Пока Юра занимался похоронами, Яна вела себя так, словно ничего не произошло. Сегодня утром, перед тем как Юре отправиться в морг за телом Анны Ивановны, жена вошла в комнату, где он спал, и заявила:

– Лучше сам, по-хорошему, подпиши заявление на развод, поделим жилплощадь и разбежимся.

Сил спорить с теперь уже бывшей супругой у Юры не оказалось, да и мысли его текли совсем в ином направлении, поэтому он, не читая, подмахнул подсунутую бумагу и уехал хоронить маму.

Поминок Юра не устраивал, у Анны Ивановны не осталось подруг, все ее «девочки» давно переехали на тот свет, но следовало поднять хоть рюмку за упокой ее души, и Юра забрел в какое-то кафе.

Странно, но алкоголь совсем не подействовал на редко пьющего мужчину. Просидев несколько часов за столиком, Юра вышел из заведения и отправился куда глаза глядят, домой его ноги не несли. Как он оказался в незнакомом районе, Юра не понимал, отчего не услышал шум мотора «Жигулей», объяснить не мог. Почувствовал довольно сильный толчок и свалился.

Глава 7

– Вот что, – решительно заявила Катя, – в таком состоянии тебе уходить нельзя. Останешься у нас.

– Что вы, – замахал руками гость, – это абсолютно невозможно.

– Почему? – спросила я.

– Ну, с какой стати?

– Ночь на дворе, – пояснила Катя, – Жулебино далеко.

– Доеду потихоньку.

– Одежда грязная и мокрая, – вздохнула Катя.

– Можно подсушить.

– Она уже в стиральной машине вертится! – рявкнула я. – В доме полно места. Переночуешь и уйдешь.

– Спасибо, – прошептал Юра и опустил голову.

– Мы сейчас коньячку выпьем, – засуетилась Катя, – очень хорошо в качестве профилактики от простудных заболеваний.

– Я не пью совсем, – тихо возразил гость, – только из-за маминой смерти налил рюмку.

– В чай нальешь, – не сдалась Катя и вышла.

Мы остались с Юрой вдвоем. Внезапно в кухню, зевая во всю пасть, вошла Муля. Увидав Юру, она решила свести знакомство с новым человеком и бросилась к нему со всех лап. На секунду лицо Юры приняло брезгливое выражение, но

потом широкая улыбка растянула его губы, и он воскликнул:

– Ой, я сначала принял ее за обезьянку! Теперь понял – это собака. Что за порода такая? Первый раз встречаю подобную. Она кусается?

– Муля? Конечно, нет. А порода называется мопс.

– Скажите пожалуйста, – завертел Юра головой, – вообще-то я очень люблю собак.

Продолжая улыбаться, он начал гладить Мульяну, потом, когда мопсика отошла, Юра встал и спросил:

– Можно руки помыть?

– Конечно, – кивнула я, – хочешь, прямо на кухне краном воспользуйся.

– Лампа, – закричала Катя, – это что?

Испугавшись, я побежала на зов. Подруга сидела на ковре, вокруг нее в безумном восторге скакали мопсята.

– Ой, совсем забыла, – всплеснула я руками, – тут такая история приключилась. Знакомься, Феня и Капа. Честно говоря, я хочу, чтобы они жили с нами, но если ты считаешь, что мопсишки лишние, тогда подыщу им хорошую семью.

– Кто же таких ангелов отдаст! – воскликнула Катя. – Какие хорошенькие!

Катины слова упали на мою голову, словно нож гильотины. Ангелы! Появившиеся ниоткуда ангелы, которым суждено беречь нашу семью от неприятностей. Нет, это сумасшествие какое-то. Предсказание гадалки продолжает сбываться. Значит, цыганка была настоящей? Ладно, она прикину-

лась родственницей косноязыкой Марийки, украла у кого-то младенца, а все для того, чтобы проникнуть в нашу квартиру и отравить Аду с Кирюшкой. Лизавета, по моему глубокому убеждению, попала в больницу случайно. Но теперь выходит, что смуглянка еще договорилась и с ветеринаром Романом, приволокла в клинику Феню с Капой? Нет, собачат принесли на усыпление, Роман категорически не похож на человека, способного на подлый или лукавый поступок. Значит, Галя настоящая предсказательница и теперь нам следует беречь щенков пуще зеницы ока?

– Эй, – толкнула меня Катя, – ты чего?

– Да так! Голова заболела, мигрень начинается, – протянула я.

Прижимая к себе неожиданно заснувших щенков, Катюша встала и озабоченно произнесла:

– Очень мне не нравятся твои головные боли. Надо обязательно сделать томограмму мозга.

– Зачем?

– На всякий случай, всегда хорошо вовремя поставить диагноз, – завела подруга, – если знаешь причину болезни, легко подобрать лечение.

– Считаешь, что у меня что-то страшное?

– Типун тебе на язык, – рассердилась Катя, – скорей всего ерунда. Этимология мигрени до сих пор не ясна... Ладно, сейчас меня унесет в медицинские дебри. Короче, я договарюсь на работе, тебе сделают снимки, увидим, что в мозгу

ничего, кроме глупости, нет, и успокоимся. А сейчас ложись, я устрою Юру сама.

Утром невидимая рука ткнула меня в бок, и я проснулась. В спальне стояла сонная тишина, прерываемая дружным сопением армии мопсов. Я повернулась на правый бок, потом на левый, затем села, сон улетучился. До семи утра я проворочалась в кровати, а с рассветом обрела четкость мышления и поняла: надо немедленно искать эту цыганку. Никакая она не предсказательница, а преступница, задумавшая нечто, пока мне непонятное. Рассчитывать на помощь Костина не приходится, домашним рассказывать ничего о планируемом расследовании не надо, меня попросту засмеют. Слава богу, Юля и Сережа во Владивостоке, а Кирюшка и Лизавета в больнице. Как ни дико звучит последняя фраза, но она верна. Детям сейчас лучше в клинике, вход в которую стерегут охранники. Надо поговорить с Катей, пусть ребят немного придержат в больнице, ну, для обследования.

Так что под ударом остаются лишь два члена семьи: я и Катя. Но Катюша почти все время пропадает на работе, а меня так просто не убить. Да и не я следующая жертва. Кабы цыганка хотела известить Лампу, она бы сделала это сразу, я ведь впустила ее в квартиру, что мешало ей стукнуть меня по башке стулом? И вообще, чем больше думаю о произошедшем, тем четче понимаю: цыганка задумала плохое против Ады и Кирюши. Но чем ей насолили собака и мальчик?

Я встала, умылась, проводила на работу Катю, Юра ушел с

ней. Чувствуя, как к голове снова подкрадывается мигрень, я схватила джинсы. Хватит кукситься, надо действовать. Гад-кая Галя, впрочем, сильно сомневаюсь, что это ее настоящее имя, ухитрилась запихнуть пакет с завтраком в рюкзак Ки-рюши, значит, следует опросить школьников, может, кто из детей заметил нечто подозрительное.

В школу я пришла во время большой перемены, специально подгадала так, чтобы открыть дверь в класс в тот самый момент, когда учеников отпускают на двадцатиминутный перерыв.

Галдящая толпа школьников рванулась в коридор.

– Эй, ребята, погодите, – попросила я.

Подростки замерли.

– Нет, – простонал кто-то, – только не говорите, что вы сотрудница ГАИ, которая явилась рассказывать нам о том, на какой свет следует переходить дорогу.

– Угадали, да не совсем, – улыбнулась я и подняла вверх руку с красным удостоверением, – давайте знакомиться, майор Романова, уголовный розыск, следователь по особо важным делам. Надо поговорить!

Школьники переглянулись, потом молча пошли назад в класс и безропотно сели за парты. Я удовлетворенно вздохнула. «Корочки», приобретенные мною у уличного торговца, оказывают просто волшебное действие на все слои населения. Вовка, правда, пару раз с диким криком отнимал у «майора» «служебный документ», но купить новый не со-

ставляет особого труда. Вот и сейчас помогло.

– Что случилось-то? – спросила красивая белокурая, чуть полноватая девочка.

– Вы, конечно, знаете Кирилла Романова?

Класс загудел.

– А что он сделал? – выкрикнул с «камчатки» рослый парень.

– Ничего, Кирилл лежит в больнице, в реанимации.

Дети зашептались, а та же белокурая девочка внезапно заявила:

– Это Федотов из одиннадцатого «В», его давно посадить надо.

– Федотова? – удивилась я. – Почему?

– Он всегда у ребят деньги отнимает, – понеслось в ответ.

– Мобильники тоже!

– Еще и кошелек прихватит.

– У него брат с зоны вышел, Федотов им всех пугает.

– Это он Романова избил!

– Стойте, стойте, – попыталась я успокоить разбушевавшиеся страсти. – Может, ваш Федотов и безобразный хулиган, только в нашем случае он совершенно ни при чем. Кирилла никто не бил, его отравили.

На секунду в комнате повисла тишина, потом низенькая девочка, сидевшая одна у окна, воскликнула:

– Во, блин! Чем?

– Кто?

– Почему?

– А че он сделал? – посыпались со всех сторон вопросы. Я подняла правую руку.

– Спокойствие. Идет следствие, пока ничего сообщить не могу. Ясно лишь одно: в портфель к Романову кто-то положил завтрак, яд находился в пакетах сока.

Снова воцарилось молчание.

– Постарайтесь вспомнить, – попросила я, – может, видели подозрительную личность, скорей всего цыганку, которая рылась в портфеле Романова?

Через пять минут стало ясно: за сумками дети не следят, бросают их перед классом и уходят. В школе развито воровство, из оставленного рюкзака запросто могут стырить что-то ценное, поэтому мобильники, кошельки и все мало-мальски привлекательное ребята распикивают по карманам, а вот учебники, тетради и дневники никому не нужны, поэтому рюкзаки сваливают горой. Иногда случаются смешные казусы, когда школьники путают сумки, но чтобы некто подложил завтрак, о таком тут не слыхивали. Вот слямзить и сжамкать чужие бутерброды – это за милую душу.

Потерпев сокрушительное фиаско, я встала в коридоре у окна и пригорюнилась. Мимо с топотом и визгом неслась разновозрастная толпа детей. Младшие школьники били друг друга ранцами и пинали ногами, старшие невозмутимо перешагивали через разбушевавшихся малышей. Изредка какой-нибудь двухметровый одиннадцатиклассник зами-

рал, потом решительно выхватывал из кучи «мелких» особо расшалившегося мальчика, отвешивал ему подзатыльник и спокойно продолжал свой путь. Шум и гвалт висели над коридором, учителей не наблюдалось. Очевидно, беспокоясь о своем психическом здоровье, они забаррикадировались в кабинетах или мирно пили чай в учительской. Повсюду валялись разноцветные сумки, которые все, не стесняясь, пинали ногами.

Резкий звонок заставил меня вздрогнуть. Дети вмиг схватили рюкзаки и исчезли. Блаженная тишина опустилась на коридор. Я горько вздохнула. Да уж, тот, кто подсунул Кирюше отраву, практически ничем не рисковал. В сумасшедшем доме, именуемом «школа», совершить подобное действие можно абсолютно безнаказанно. Теоретически в учебное здание не должны пускать посторонних. Но на практике дело обстоит иначе. Я-то совершенно спокойно вошла сюда, бабулька в синем халате, сидящая у гардероба, даже не проснулась, а никакого охранника тут и в помине не было.

– А Кирюше очень плохо? – прозвучал около меня звонкий голосок.

Я вынырнула из тяжелых мыслей, увидела крохотную девочку и спросила:

– Ты знаешь Романова?

– Конечно, мы в одном классе учимся, вы же у нас только что были, я Ася Точилина, – представилась школьница.

Я с сочувствием посмотрела на малышку, наверное, ее по-

стоянно дразнят из-за маленького роста. Лично мне сильно доставалось от одноклассников. Килька, Спица, Расческа – далеко не самые неприятные прозвища из тех, которыми троечницу Романову награждали в школе.

– Во всяком случае, пока речь о выпуске не идет, – обтекаемо ответила я.

– Бедный! Можно его навестить?

– Нет, к нему никого не пускают.

– Угу, понятно... Знаете... ну, в общем...

В моей душе разгорелся огонек надежды.

– Ты что-то видела?

– Ну...

– Говори скорей!

Ася оглянулась.

– Неохота прослыть ябедой. Вы ведь никому про меня не стукнете?

– Конечно, нет!

– Ну...

– Господи, прекрати мямлить!

Внезапно Ася сильно покраснела.

– Кирюша очень симпатичный, он к нам недавно пришел, из другой школы.

– Знаю.

– Откуда? Ах да, вы же из милиции. Ну... в общем...

– Я тебя умоляю, не жуй жвачку!

– Понимаете, – стала совсем пунцовой Ася, – мне Кирюха

нравится, а он в мою сторону и не глядит. Ростом я не вышла.

– Глупости, я тоже величиной с табуретку и живу счастливо, не заикливайся на ерунде.

– Да, – кивнула Ася, – понимаю, но все равно я невольно думаю: «Эх, будь я повыше!» Ну не в этом дело. Кирюше нравится Римма Борискина.

Я обняла Асю за плечи.

– У тебя урока нет?

– Физра у нас, я освобождена.

– Пошли в мою машину, там и поболтаем спокойно.

– Точно, – радостно воскликнула девочка, – неохота у всех на виду торчать!

Оказавшись в «Жигулях», Ася спросила:

– Сигареткой не угостите?

– Ты куришь?

– Выросла уже, – фыркнула крошечная старшеклассница.

Я протянула девочке пачку сигарет и зажигалку. Школьница принялась неумело затягиваться. Что ж, все понятно, Ася пытается «взрослым» поведением компенсировать маленький рост. Промучившись минуту, девочка, довольная тем, что создала о себе нужное впечатление, с явным облегчением выбросила окурок в окно и затараторила.

Поскольку Ася влюблена в Кирюшу, то старается поближе держаться к объекту воздыханий. Нет, она не следит за мальчиком, но постоянно поглядывает в его сторону, и больше всего ее раздражает поведение Риммы Борискиной. Та,

совершенно не стесняясь, кокетничает с Кирюшей, Романов же не упускает момента, чтобы не стукнуть Римму. А ведь всем известно: бьет, значит, любит. Впрочем, обоюдная любовь не мешает парочке постоянно цапаться, и у Аси становится радостно на душе, когда Кирюша орет:

– Борискина, ты сволочь!

– От такого слышу, – не остается в долгу Римма.

Правда, к концу уроков они, к огромному Асиному сожалению, мирятся и уходят домой вместе. Кирюша, как правило, тащит два рюкзака: свой и «Джувлетты», а маленькая Ася, глотая слезы, сама волочит свою сумку к метро.

Так вот, в тот день, когда Кирюше стало плохо, Ася поймала Борискину на некрасивом поступке. Точилина пошла в туалет, завернула за угол и заметила Римму, которая рылась в портфеле Кирюши.

– Ты чего делаешь? – накинулась на нее Ася.

Борискина – хамоватая особа, за словом в карман обычно не лезет, но в тот момент отчего-то испугалась и забубнила:

– Это сумка Романова.

– Знаю, поэтому и спрашиваю, что ты делаешь? – не дрогнула Ася. – Кошелек стырить надумала?

– Офигела, да? – подскочила Борискина.

– Зачем тогда шарить?

Внезапно Римма захихикала.

– А он мне открытый тюбик с клеем в ранец положил! Вот я и надумала отомстить. Сунула ему между учебниками

презерватив, наполненный водой.

– Очень глупо, – возмутилась Ася, – все тетради испортятся.

– Ага, а клей пихнуть умно? – обозлилась Борискина. – И вообще, это мой парень. Я понимаю, что тебе его отбить охота, только зря стараешься, мышь обморочная!

Ася обиделась и ушла. В конце концов, противная Борискина права, милые бранятся, только тешатся, без нее разберутся. Она и думать забыла об этой истории, но сегодня, выслушав рассказ майора Романовой, насторожилась и подумала: а вдруг Римма запихивала в сумку тот самый пакет с завтраком?

Я схватила Асю за плечо.

– Немедленно идем назад. Физра у вас? Борискина там?

– Не, она болеет. Небось симулирует.

– Где живет Римма?

– Понятия не имею.

– Дай мне ее телефон.

– Не знаю его.

– Как же так, учитесь ведь в одном классе.

– И что, – скривилась Ася, – я теперь обязана со всеми придурками дружить? Между прочим, Борискина из барачков! Она мне не ровня!

– Откуда?

– Если за школой налево свернуть и до конца пройти, – объяснила Ася, – там бараки стоят, много. Вот Римма в

одном и живет, двоечница, прогульщица и вообще оторва. Небось у нее родители алкоголики, во всяком случае, одежды у Борискиной приличной нет, косметики тоже, уши не проколоты. И вообще, это она из сумок деньги и мобильники тырит.

– Ты точно знаешь? – нахмурилась я.

– За руку не ловила, – призналась Ася, – но в бараках одна пьянь и воры живут, какие у них дети получатся? Только такие, как Борискина. Даже удивительно, что Кирюша, мальчик из приличной семьи, на шалаву смотрит. Промежду прочим, у Кирюхи мама врач, хирург, а у брата рекламное агентство. Отца, правда, у него нет, но по нынешним временам он и не нужен вовсе. Моя мама тоже в разводе. Из нас бы хорошая парочка вышла. Так нет, вечно мужиков на дерьмо тянет, – с взрослой горечью закончила Ася.

Глава 8

Вооруженная интересными сведениями, я вернулась в школу и поскреблась в дверь с табличкой «Директор». Раз, другой, третий. Не дождавшись ответа, приоткрыла створку, увидела письменный стол и сидящую за ним огромную бабищу. Тетка подняла голову и издала рык, услышав который упал бы замертво даже самый кровожадный тигр:

– Занято!

Я немало удивилась. Что она имеет в виду? Место занято? Директриса испугалась, что ее подсилят, выкинут из кресла?

– Занято, – вновь рывкнула директриса, – русским языком говорю, так не понимают! На двери табличка висит, прием по вопросам отметок и поведения учащихся осуществляется по четвергам, согласно предварительной записи. Вам ясно, родительница?

Я вытащила удостоверение.

– Уголовный розыск.

На лице дамы появилась кривая улыбка, и она заговорила совсем другим тоном:

– Ох, простите. Замучили матери, вваливаются, ругаются, просто сил никаких нет. Проходите, садитесь. Вы по поводу Лизы Романовой?

Я удивилась до крайности. Мы с Катюшей ничего не общали педагогам о происшествии с девочкой. Просто я по-

звонила классной руководительнице и сказала:

– Лиза заболела, потом, естественно, мы представим справку.

– Ужасная неприятность, – пела директриса, одновременно вытаскивая из шкафчика банку растворимого кофе и коробку конфет, – просто кошмар. Но, поверьте, школа не виновата, мы только обучаем детей и несем за них ответственность лишь в стенах здания. А несчастье с Лизой произошло на стройке.

– На стройке?

– Ну да! Вы не знали?

– Мне представили дело по-иному, – осторожно ответила я.

– Конечно! Небось школу обвиняют, – всплеснула руками директриса, – кстати, я не представилась, Неля Иосифовна.

– Евлампия Андреевна, – кивнула я, – расскажите подробно о Лизе Романовой.

Неля Иосифовна покачала головой.

– Сколько ни говори детям об осторожности, толку нет. Считают себя бессмертными и искренне верят: несчастье может случиться с кем угодно, только не с ними. Эта стройка! Конечно, так быстрее идти к метро, но ведь твердим им ежедневно: не ходите через стройплощадку. Нет, все равно порвут угол скосить!

– Простите, я плохо понимаю, о чем речь.

Директриса ткнула пальцем в сторону окна.

– За нашей школой стояли блочные пятиэтажки, их сейчас разобрали, и на этом месте возводят башню. Раньше ребята бегали к метро дворами, теперь из-за стройки им приходится делать круг, тратить больше времени, всего-то о пяти минутах речь идет, но дети нетерпеливы.

После того как Слава Котов споткнулся об арматуру, упал и получил сотрясение мозга, Неля Иосифовна позвонила в контору, которая строит здание, и добилась возведения глухого забора вокруг котлована. Но конструкция из досок школьников не остановила. Кто-то перелезал через нее, кто-то проделал в ней дыры. Вообще-то, коллектив педагогов ответственности за детей, вышедших из школы, не несет, но все-таки они волнуются за ребят, поэтому без устали твердят: «Не гуляйте по стройке, это опасно».

И вот вчера случилось несчастье. Лиза Романова пошла домой по привычному пути. Наплевав на все предостережения учителей, девочка стала пересекать стройплощадку. Что случилось потом, не знает никто, Лиза была одна, без подруг. Домой она так и не пришла, обеспокоенные родители начали поиски, бегали по району, обзванивали приятелей дочери, пытались соединиться с ней через мобильный – все зря. Тело школьницы утром нашли рабочие. Лиза лежала на дне шахты лифта недостроенного здания, рядом валялись выпавшие из раскрытого портфеля учебники. Бедная девочка не догадалась, что в центре дома оставлено место для лифта, и свалилась в провал шахты. Дело в том, что ее родители купили

в этом здании новую квартиру, и Лиза, очевидно, решила на нее посмотреть.

– Ужасная история, – качала головой Неля Иосифовна, – мы в шоке. Конечно, никакого криминала здесь нет. Девочку не насиловали, не били. При ней остались ценные вещи: серьги, золотая цепочка, мобильник, кошелек. Она сама свалилась, но от осознания этого факта только хуже делается.

Я с трудом переварила информацию, потом осторожно спросила:

– Вы уверены, что погибла Лиза Романова?

– Конечно.

– Кто-нибудь опознал девочку?

– Естественно, мы тут же вызвали родителей, – пояснила Неля Иосифовна, – матери плохо стало, отец в морг поехал.

– Видите ли, – осторожно сказала я, – у меня совсем иные сведения о Лизе Романовой. Сказали, будто девочка просто заболела и временно не ходит в школу. И потом, у нее нет отца.

Неля Иосифовна открыла было рот, но тут в кабинет без стука вошла толстая женщина и чуть задыхающимся голосом спросила:

– Гляньте, так пойдет?

Не дожидаясь ответа, вошедшая развернула большой лист ватмана. «Трагически погибла Лиза Романова». Внизу виднелась фотография. Маленькое личико, украшенное копной сильно выющихся белокурых волос.

– Это не Лиза, – помимо воли вырвалось у меня.

– Лиза, – настаивала директор.

– Да нет же! Лиза Романова слегка полновата, волосы у нее прямые, а здесь...

Директриса печально улыбнулась:

– В классе две Елизаветы Романовы. И фамилия и имя не из редких. Одна девочка погибла, другая на самом деле больна, вроде у нее грипп, я не уточняла.

И тут мне вспомнилось, как в самом начале сентября Лиза, придя с занятий, швырнула в прихожей рюкзак. Я, ворча, подобрала его, отнесла к ней в комнату и, открыв наружный карман, решила проверить дневник. В глаза бросились сразу три жирные двойки.

– Ну ты даешь! – возмутилась я, когда Лизавета влетела в детскую. – Умудрилась столько «лебедей» заработать!

– Где? – заорала та и выхватила из моих рук дневник. – Офигеть прямо!

– И я о том же!

– Это не мои пары, – завопила девочка, – ну вообще!

– А чьи?

– Лизки Романовой!

Я засмеялась.

– Оригинальное объяснение, я всегда считала, что именно так тебя и зовут! Впрочем, давай познакомимся, ты кто? Маша Иванова? Или другую какую фамилию носишь?

Лиза в упор посмотрела на меня, потом повернулась и

ушла. Мне тут же стало неудобно. Очень глупо пошутила насчет фамилии. Тот, кто хорошо знаком с нашей семьей, сейчас тоже не одобрит меня: Лизавета не является родной дочерью ни мне, ни Кате, она даже не родственница³. Но так уж случилось, что Катюша удочерила девочку и теперь Лиза носит фамилию Романова, о своей настоящей она даже и вспоминать не хочет. Я ее понимаю, потому что сама в свое время, поменяв имя, начала новую жизнь.⁴

Полная раскаяния, я побежала за девочкой.

– Лизочек, прости меня, глупую.

– Да ладно, – улыбнулась она, – у нас в классе две Лизы Романовы, вот училка и перепутала, мне ее двойки поставила, завтра вычеркнет.

– Ты никогда не рассказывала про свою полную тезку, – удивилась я.

– Так я хожу в эту школу лишь с сентября, – напомнила Лиза, – вы же нас сюда с Кирюшей перевели только на этот учебный год. Похоже, отстойное место, ну да ладно, потерпим до экстерната!..

Пока директриса рассматривала скорбное объявление, я пыталась привести мысли в порядок. Значит, Лиза Романова погибла. Это случайность или девочка пострадала из-за своих паспортных данных? Может, она просто так упала с

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Гадюка в сиропе», издательство «Эксмо».

⁴ См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

высокого этажа?

– Лиза Романова была девочкой из неблагополучной семьи? – поинтересовалась я.

– Что вы, – замахала руками Неля Иосифовна. – Отец бизнесмен, не из самых богатых, но вполне обеспеченный, мать художница. Девочка присмотренная, домашняя, вот только плохо училась, на слабые троечки. Но учителя ею были довольны: тихая, аккуратная. Честно говоря, тройки Лизе из жалости ставили, ее родители очень нам помогали, купили линолеум, мама картины для актового зала написала. Надо же, такое несчастье! И ведь буквально неделю назад Олеся Сергеевна, мама погибшей, была у меня, сидела на вашем месте и просила перевести дочь в другой класс, из «А» в «Б».

– Почему?

– Олесе Сергеевне очень не понравилось, что Лиза начала общаться с Риммой Борискиной!

Услыхав знакомое имя, я насторожилась:

– С кем?

– С Риммой Борискиной, – повторила Неля Иосифовна. – Я Олесю Сергеевну понимаю, Римма проблемный ребенок. Отца нет, а мать... Эх, лучше бы ее тоже не было. Девочка живет в отвратительных условиях, ругается матом, грубит учителям, но учится великолепно. Просто жду не дождусь, когда она получит аттестат и уйдет от нас. Кто бы мог подумать, что подобная девица станет отличницей, на золотую медаль идет, хочешь поставить ей «четыре» и не можешь. Я

попыталась Олеся Сергеевне объяснить, что перевод в другой класс ничего не даст, но она так просила. Ну а потом Лиза погибла.

– Дайте мне, пожалуйста, адрес Борискиной, – попросила я.

Неля Иосифовна встала, вынула из шкафа тоненькую папку, перелистала подшитые в нее бумажки и сказала:

– Новокрасковская, восемнадцать, квартира шесть, телефона нет. Мать зовут Елена Семеновна, сведения об отце отсутствуют. Но не знаю, там ли Римма живет, у нас указан адрес прописки.

Я вышла во двор и почувствовала, как к голове начинает подкрадываться мигрень. Наверное, Катюша права, следует пойти к врачу, сделать томограмму, узнать, что там такое в моем мозгу. А сейчас надо зайти в аптеку, купить цитрамон.

Вывеска с зеленым крестом обнаружилась через квартал. Я вошла в большой, совершенно пустой зал и попросила провизора:

– Дайте мне, пожалуйста, цитрамон.

– Нету, – лаконично ответила фармацевт, – весь съели.

– Посоветуйте что-нибудь еще от головной боли.

– Возьмите вот это.

На прилавок легла яркая коробочка иностранного производства. Перед глазами возникла Катюша, в ушах зазвучал ее голос: «Лампуша, прежде чем засовывать в рот лекарство, внимательно изучи его состав, указанный в листовке».

Я стала вчитываться в текст. Через пару секунд до меня дошло, что средство состоит в основном из одного парацетамола. Нет, оно мне не поможет.

– Другого ничего нет?

Провизорша бросила на прилавок новую, такую же цветастую коробочку. И снова в составе средства один парацетамол.

– Это не хочу.

– Господи, – вздохнула фармацевт, – идут в аптеку и сами не знают, чего надо.

– Очень хорошо могу объяснить свои желания: я решила купить средство от головной боли.

– Так я уже два вам предложила!

– Это не то. Сами посмотрите: чистый парацетамол. В чем, скажите, разница между препаратами?

– В названии, – спокойно сообщила девушка, – и стране-изготовителе.

– Наши лекарства лучше, – кипела я, – не помню точно, но в состав «тройчатки» и анальгин и кофеин входят. Ну зачем мне парацетамол? Его теперь везде суют. Хочешь от температуры – парацетамол, от боли – получи его же.

Провизор улыбнулась:

– Ну, понимаете, лекарства всякие бывают, сильнодействующие в том числе. От парацетамола-то вам хуже не станет, лучше, впрочем, тоже. В качестве лекарства от головной боли я, допустим, предложу вам андипал. Наше, отечествен-

ное, проверенное средство отличного действия. Но подходит оно лишь тем, у кого повышенное давление. Вдруг у вас гипотония, глотнете андипал и в обморок завалитесь. А от парацетамола ничего не случится. Все эти нурофены имеют скорее психологическое воздействие, вроде как помог себе, слопал таблеточку. Имейте в виду, если хотите избавиться от головной боли, сначала следует установить ее причину.

Я вздохнула, именно такой совет дала мне и Катя.

– Да, надо бы томограмму сделать, только никак время не выберу.

Внезапно девушка по ту сторону прилавка преобразилась, ее хорошенькое личико потеряло сурово-официальное выражение.

– Вообще-то меня Ритой зовут, – неожиданно сообщила она.

– Очень приятно, – удивилась я, – Евлампия Андреевна.

– Вам пятьсот рублей на себя не жалко?

– Ну, нет, наверное.

– Так вот, – улыбаясь, сказала Рита, – мы очень хорошо понимаем, что у женщин времени нет. Сами служим и семью имеем, даром что медицинские работники, анализы идем сдавать, лишь когда припечет, а надо раз в полгода диспансеризацию проходить.

– Интересно, бывают ли люди, которые ходят по врачам просто так? – усмехнулась я.

– Случаются, – улыбнулась в ответ Рита, – в основном

иностранцы. Вот они давно поняли: лучше болезнь в самом начале прихватить, а не тогда, когда уже к патологоанатому везут. Значит, слушайте. Вам дико повезло, что в нашу аптеку заглянули, потому что здесь открыт новый диагностический центр. Исследование стоит пятьсот рублей, результат выдают сразу, доктор его прокомментирует. Не сомневайтесь, Ирина Петровна – классный специалист, у нас она просто подрабатывает. Мигом установим причину вашей головной боли, подберем препарат, уйдете от нас здоровая.

– Да? – недоверчиво спросила я. – Прямо так сразу?

– Точно. Здесь установлен супермощный лазер, проникает прямо в глубь организма, от него ничего не скроется.

– Это долго?

– Пятнадцать минут максимум, простыни у нас одноразовые, после процедуры бесплатно угощаем чаем с пастилой! И лицензия у нас есть! От Минздрава!

– Хорошо, – кивнула я, – куда идти?

– Сюда, – засуетилась Рита и, открыв дверь, расположенную между двумя стеклянными шкафами, крикнула: – Ирина Петровна, больная на обследование.

– Отлично, Риточка, – донеслось из глубины аптеки.

Потом послышалось тихое покашливание, и на пороге возникла старушка, круглая, как колобок. Маленькая, румянощекая, без всяких признаков шеи, она была облачена в голубой халатик, достигавший пола. На носу бабуся сидели очки с толстыми стеклами, вторая оправа болталась на шнур-

ке, аккуратно посреди большой подушкообразной груди, третья дыбилась на макушке.

– Где клиент? – поинтересовалась она.

– Вот, – Рита ткнула в меня пальцем.

– Пойдемте, молодой человек, – с интонацией актрисы Малого театра заявила Ирина Петровна.

– Я женщина, – вырвалось у меня.

Врач медленно сняла очки, спустила с макушки другие, окинула меня оценивающим взглядом и без тени смущения сказала:

– А теперь и не понять, кто перед тобой. Люди одинаковые стали, джинсы, кроссовки, куртки. То ли мужчина, то ли девушка – и не разобрать.

Глава 9

По узкому коридору мы добрались до просторного кабинета, обставленного со спартанской лаконичностью: стол, два стула, кушетка, накрытая бумажной одноразовой простынкой, и большой аппарат, мигающий разноцветными лампочками. Стену украшал листок бумаги, окантованный металлической рамочкой: «Прием ведет доктор наук, член-корреспондент Академии медицинских электронных средств, невропатолог Ирина Петровна Самойленко».

– Ложитесь сюда, – велела старушка, – расслабьтесь. Больно ни в коем случае не будет. Рентген когда-нибудь делали?

– Конечно.

– Ощущения те же, их попросту нет, главное, не шевелиться. Единственная неприятность – темнота. Надену вам на голову вот эту симпатичную шапочку.

С этими словами Ирина Петровна нахлобучила на мою макушку нечто, похожее на водолазный шлем.

– Лежите спокойно, – донеслось будто издалека, – не дергайтесь. Ну, начали.

Послышались щелчки, потом стук и равномерное гудение. Я лежала тихо-тихо, удивляясь тому, как далеко шагнул прогресс. Вот здорово, не надо колоть пальцы и вены иглками, нет никакой необходимости глотать омерзительные резиновые трубки, спи себе спокойно, а потом узнаешь правду

о своем здоровье. Лазер обмануть невозможно. Это ерунда, что Ирина Петровна почти слепая, сейчас компьютер выдаст распечатку, и можно уходить. Дома Катя, наверное, сумеет разобраться.

– Вот и все, – ласково пропела Ирина Петровна, освобождая меня от душного колпака, – ну-ка, смотрите сюда, вот ваш мозг.

На экране компьютера появился ряд прямоугольных картинок, внутри которых виднелись расплывчатые пятна.

– Сейчас, сейчас, – нудила профессор, меняя очки, – ну-кась, минуточку... э... Что это такое, а? Это что?!

Я вздрогнула. Есть фразы, которые пациент меньше всего хочет услышать от врача. Согласитесь, очень неприятно, лежа на операционном столе, уловить слова хирурга, ну вроде таких: «Оперировать не станем, так зашьем», «Где наши тампоны, вы уверены, что один не остался внутри больного?» или «Господи, что это у нее такое, никак не пойму?»

– Да, – недоуменно ворчала Ирина Петровна, – положеньице! Однако какой фортель! И не подумаешь никогда! По виду и не скажешь! Вас привезли?

– В каком смысле?

– Где сопровождающий с коляской?

– Какой?

– Инвалидной!

– С-с-сама пришла, – стала заикаться я, – ногами.

– Ногами? Не может быть.

– Чем вас так удивил факт появления женщины, стоящей на нижних конечностях? – дрожащим голосом попыталась пошутить я. – Лично меня бы насторожила больная, вошедшая на руках или приползшая на животе.

– Вы в школе учились? – перебила меня Ирина Петровна.

– Да.

– Сколько классов окончили?

– Десять, в мое время не было одиннадцатилетки, дети шли в институт после...

– Вспомогательная школа не давала права продолжать образование в вузе, – неожиданно заявила профессор.

– Какая? – насторожилась я.

– Вспомогательная, – повторила Ирина Петровна. – Ах да, вам, наверное, непонятно это слово. Ну, в общем, такое учебное заведение, в котором элементарные знания постигают люди с вашими проблемами. Вы работаете? Или получаете пенсию по инвалидности?

Ноги подогнулись в коленях, я села на кушетку.

– Со мной что-то ужасное? Рак головного мозга? Менингит?

– Нет, нет, – очень четко и громко произнесла Ирина Петровна, – полный порядок, никакой онкологии. Душенька моя, вы знаете свой адрес?

Я кивнула.

– Молодец, – умилилась Ирина Петровна, – просто отлично! Маловероятно, конечно, но, может, и телефончик выучи-

ли?

– Какой?

– Свой, конечно.

– У меня их два, один мобильный.

– Домашний помните?

– Естественно.

– Ах, какая умница, просто редкостная, удивительно талантливая девочка, – запела Ирина Петровна, путаясь в очках. – Сейчас я запишу цифирки, позвоню вашим мамочке и папочке, они вас отсюда заберут.

– Не надо! – испугалась я.

– Почему? – насторожилась профессор. – Дома с вами плохо обращаются, бьют? Морят голодом? Кстати, сейчас угостим вас чаем с пастилой. Ешьте на здоровье, бедняжка!

Ощувив себя персонажем пьесы абсурда, я попыталась объяснить ситуацию:

– Мои родители умерли, я очень надеюсь на встречу с ними, но в отдаленном будущем. Пока, ей-богу, не готова, много дел на этом свете не завершила.

– Кто же вас сюда привел?

– Сама пришла.

– Ходите одна?

– Да.

– Ай, молодец! Ай, умница, – зашлась в восторге Ирина Петровна, – какая компенсация! Но мне не очень хочется от-

пускать вас вот так, без сопровождающего. Сейчас поговорю с Ритой, вызовем такси и отправим вас домой.

– Спасибо, но мне вечером на работу, и я не планировала возвращаться в квартиру.

– И где мы работаем? – засюсюкала Ирина Петровна.

– На радио.

Очки упали с носа старушки.

– Где?

– На радиостанции «Бум», я веду там музыкальную передачу. Навряд ли вы слышали ее, наша программа предназначена для молодых людей, – схамила я.

Но Ирина Петровна не заметила моего бестактного замечания.

– Ведущей? – оторопело повторила она. – Говорите о книгах? Вы читаете?

Ситуация стала казаться мне занимательной.

– Читаю, – подтвердила я, – умею писать, считаю, правда, плохо, но, учитывая мое консерваторское образование, это объяснимо.

– Вы учились в консерватории? – Старушка чуть не упала со стула.

– Да, по классу арфы, но сейчас не концертирую.

– О господи, – в изнеможении выкрикнула Ирина Петровна, – с вашим-то диагнозом!

Страх вновь схватил меня за горло, я вскочила и, тронув Ирину Петровну за плечо, приказала:

– Немедленно говорите правду! Имейте в виду, у меня двое детей, мальчик и девочка, их надо поставить на ноги. Не волнуйтесь, я сильная, выдержу любую неприятную новость. Начинайте!

– Милочка, – дрожащим голосом сообщила профессор, – вы олигофрен.

– Кто?!

– Ну... э... такой человек, который в силу некоторых обстоятельств, абсолютно от него не зависящих, совершенно не способен к умственной деятельности. Поверьте, это не стыдно, это генетика!

– Я идиотка? Дебилка?

– Зачем так резко, – залебезила Ирина Петровна, – скажем по-иному, имбецил с поражением головного мозга. Вот гляньте.

Трясущейся рукой бабуся схватила мышку и пощелкала ею. На мониторе возникли новые картинки.

– Слева мозг нормальной женщины, – пустилась в объяснения Ирина Петровна, – собственно говоря, это содержимое моей головы, человека, который написал и защитил две диссертации. И что мы видим? Четкий рельеф, ярко выраженные извилины, правильные контуры. А у вас?

Стеклянная указка переместилась вправо.

– Сглаженность поверхности, – бойко вещала Ирина Петровна, – пустоты, а вот белое пятно. Знаете, о чем оно свидетельствует?

– Нет, – в полной растерянности ответила я.

– У вас отсутствует речевой центр, – сообщила врач, – просто удивительно, что вы способны издавать звуки! Поразительно! Да и ходить вы не должны. Опишу вас в своей очередной книге, редкий, уникальный случай.

Меня слегка затошнило. Так вот почему я плохо училась в школе! Теперь понятно, по какой причине всегда получала по контрольным двойки, которые после визита в школу моей мамы волшебным образом трансформировались в тройки. Ну и ну. Следовательно, нельзя обижаться на Вовку, когда он орет: «Лампа, ты дура!»

Теперь мой идиотизм подтвержден медицинским обследованием. Ох, не дай бог домашние узнают о диагнозе! Засмеют насмерть. Вот отчего мне скучно читать философские книги, вот по какой причине я никогда не могу понять, о чем толкуют гости в аналитических передачах на TV. Впрочем, и ведущие сидят иногда в студии с такими лицами, что у меня начинают в голове роиться сомнения: а они сами хорошо разбираются в озвучиваемой проблеме? Похоже, что нет, а некоторое время назад у меня сложилось впечатление: кое-кому платят за то, что они молчат и кивают с умным видом. В принципе в ряде передач ведущий совсем не нужен, гости великолепно договорятся друг с другом и без него, но как-то не принято оставлять студию без хозяина.

Однако сейчас мне стало ясно: телевизионщики-то умные, а Лампа – клиническая идиотка.

– И что, – я решила выяснить все до самого конца, – у олигофренов всегда болит голова?

– Нет.

– Почему же у меня мигрени?

– О, это уже другая проблема. Видите позвонок? Он называется Атлант, вот первый шейный позвонок.

– Прямо в черепе?

– Ах, молодец, какие умные слова знаете, – не упустила возможности похвалить кретинку Ирина Петровна, – именно у основания черепа, а он с ним сочленяется. Атлант должен стоять ровно, у вас он вдавлен внутрь и пережимает сосуд. Это ужасно!

– Почему?

– Вы можете умереть в любой момент.

Я снова рухнула на кушетку.

– Отчего?

– Дернете резко головой, слишком сильно задерете ее или упадете, стукнетесь лбом о землю, позвонок сдвинется, пережмет сосуд окончательно...

– И что?

Ирина Петровна пожала плечами:

– Экзитус леталис, смерть. Одно радует!

Я сидела не дыша. Интересно, что может радовать в данной ситуации?

– Скончаетесь быстро, – обнадежила меня профессор, – долго мучиться не станете, агония продлится минут шесть,

семь, уйдете тихо, скорей всего и не поняв, что происходит!
Хотите совет?

– С-с-слушшшаю.

– Носите на шее медальон, наподобие солдатского, или бирку с адресом и номером телефона.

– З-з-зачем?

– А то свезут вас в морг, свалят к неопознанным телам, – участливо сообщила Ирина Петровна, – родственники потом все башмаки истопчут и не отыщут ваш труп.

– Делать-то что? Может, мне операция поможет?

– В вашем случае медицина бессильна. Кстати, зачем вы пьете таблетки от головной боли? Они помогают?

– Не очень, – призналась я.

– И не должны! – радостно воскликнула врач. – Вся проблема в позвонке. Сегодня головой вертели?

– Вертела.

– Отсюда и мигрень.

– Мне нельзя смотреть по сторонам?

– Нежелательно, шею не следует напрягать.

– Как же жить?

– Поворачивайтесь всем телом, представьте себе, будто позвоночник – каменный монолит. Или забинтуйте шею туго-туго, перетяните как можно крепче полотняным платком, – посоветовала профессор.

– Но тогда я умру от удушья.

– Ангел, вы хотели услышать мой совет по поводу Атлан-

та, – напомнила Ирина Петровна, – об удушье иной разговор, мы его сейчас не ведем. Кстати, вам может помочь мануальная терапия.

– Да? – с огромной надеждой спросила я.

– Абсолютно точно, – кивнула Ирина Петровна, – стопроцентно. Вам просто развернут Атлант. Значит, так, платите пятьсот рублей, забирайте снимки, а я вам абсолютно бесплатно дам телефончик настоящего кудесника, Петра Лыкова, золотые руки!

Стараясь не вертеть головой, я выползла на улицу, кое-как добрела до машины и опустилась на сиденье. Вот оно что! Смерть ходит буквально по пятам за несчастной Лампой, в любую секунду я могу отъехать к любимым родителям. Конечно, перспектива встречи с папочкой и мамочкой радует, мне нужно многое им рассказать, но как оставить домашних? Без меня они вновь станут есть пельмени и отвратительные готовые салаты, заправленные не слишком свежим майонезом. Кстати, может, кто и забыл, но я обеспеченная женщина, имею коллекцию картин, хороший дом в Алябье-ве и отличную квартиру, многокомнатную, с добротной мебелью и евроремонтом.

Коллекция живописи досталась мне от родителей, сейчас полотна висят у нас дома, я не собираюсь продавать их, это память об отце. Особняк в Алябье-ве был построен одним человеком для меня на месте старой дачи, опять же принадлежавшей папе. Жить бы нам теперь в кирпичных хоромах

и радоваться, только с новой фазендой связана одна крайне неприятная история, о которой я уже рассказывала. Ни Кате, ни детям, ни мне не хочется теперь даже приближаться к Алябьеву. Мы, правда, пытались обжиться в шикарном здании, но не сумели. Не могу я ступить и в роскошные апартаменты, в которых Фрося когда-то обитала вместе с мужем Михаилом Громовым⁵. Где сейчас мой бывший супруг – понятия не имею, скорей всего до сих пор ходит строем по зоне, срок ему, насколько помню, дали большой. Ни жить, ни продать, ни сдать замечательную квартиру я не могу по моральным соображениям. Поэтому апартаменты стоят закрытыми, над входной дверью тревожно горит красная лампочка, предупреждающая лихих людей: осторожно, комнаты под охраной милиции.

⁵ См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», «Фиговый листочек от кутюр», издательство «Эксмо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.